

ВРЕМЯ ЕГО УЧЕНИКОВ

Фантастическая повесть

1

Почему Старков так любил осень? Этот промокший насквозь лес, растерявший за лето все привычные свои звуки, кроме сонного шуршания дождя? Эту хлюпающую под ногами кашу, холодную кашицу из мокрой земли и желтых осенних листьев? Это низкое тяжелое небо, нависшее над деревней, как набухший от воды полог походной палатки?

Пушкинская осень — желтое, багряное, синее, буйное и радостное, спелое, налитое... А Старков почему-то любил серый цвет, карандашную штриховку предпочитал акварели и маслу.

Раф спросил его как-то:

— Почему все-таки октябрь?

А тогда еще было самое начало сентября, начало занятий в институте, начало преддипломной практики, которая все откладывалась из-за непонятных капризов Старкова.

— Легче спрятать следы, — ответил Старков, походя отшутился, перевел разговор на какие-то институтские темы, а обычно дотошный Раф не стал допытываться. В конце концов, каждый имеет право на прихоть. Тем более что она, эта непонятная старковская прихоть, никак не мешала делу. На эксперимент Старков положил ровно месяц, а срок практики у них — до конца декабря.

— Все успеете, — говорил Старков, — и отчет об эксперименте оформить, и даже диплом написать. Да и чего его писать? Поделим отчет на четыре части — вот вам по дипломной работе каждому. Да еще какой работе: комиссия рыдать станет...

Он всегда был оптимистом, и Старков, ненавидел нытиков и перестраховщиков, истово верил в успех дела, за которое брался. А разве можно иначе? Тогда и браться не стоит. Так он считал, и так же в общем считали его студенты — Олег, Раф и Димка, которые год назад безоговорочно поверили в идею учителя, проверили ее в лесу на Брянщине, снова вернулись сюда, чтобы установить генератор обратного времени в той же лесничьей заброшенной избушке, смонтировать экраны-отражатели временного поля.

Прошлогодний эксперимент считали неудачным. Поле нащупа-

ли, стабилизировали его в километровой зоне экранов, и давно ушедшее время сорок второго военного года возникло в реальном и прочном времени: нынешнего дня, их дня — дня веселых и беззаботных студентов семидесятых годов, дня ученого Старкова, лишь прочной памятью своей возвращавшегося в тяжкие дни партизанского комиссара Старкова. Именно здесь, на Брянщине, в партизанском отряде, начинал он свой долгий путь в науку, еще не зная, не ведая, что замкнется этот путь кольцом вернется к началу — в тот самый сорок второй год, когда постигал он азы великой науки — суворовской «науки побеждать», науки не сдаваться, не отступать перед трудностями.

Стабилизированное поле оказалось неуправляемым, и взвод фашистских карателей прожил два с лишним часа в чужом для них времени, до которого на самом деле многие из них не дожили, не дошли, сраженные пулями партизан, быть может, пулями, выпущенными из автомата самим же комиссаром Старковым. Он твердо усвоил свою науку: не отступил, не сдался. Да и ребята его не подвели тогда. Каратели так и не вышли из леса, вернулись в свое время, а Старков со студентами вновь взялся за расчеты, перестроил генератор, провел серию опытов в институтской лаборатории, дождался любимого своего октября, чтобы повторить эксперимент «в лесу прифронтовом», но повторить его на совсем новой основе.

Сейчас они сидели в жарко натопленной избушке — все четверо да еще председатель колхоза, который командовал тем отрядом, где служил комиссар Старков, — сидели вокруг плохо оструганного стола, крытого старенькой клеенкой, а в мутное квадратное оконце бился холодный октябрьский дождь — уже постоянный спутник их не шибко веселых прогулок по времени.

— Не нравится мне все это, — хмуро сказал председатель, разглядывая полустершийся узор на клеенке.

— Что именно? — спросил Старков.

— Да игры ваши со временем. Прошлый раз себя чуть-чуть не угробили, и деревне опасность была. А сейчас что будет?

Старков не знал, что будет сейчас. То есть о самом эксперименте он знал все, а вот о поведении его участников, которое не предугадать... Он посмотрел на студентов. Раф уставился в окно, что-то высматривал за мутным стеклом, залитым водяными потеками, усиленно делал вид, что разговор его не касается, не прислушивается он к нему. Димка внимательно изучал плакат на стене, подаренный колхозным кинемехаником. На плакате вовсю грустила большеглазая дива, летели желтые осенние листья, прямыми пунктирными линиями был нарисован дождь, ничуть не похожий на тот, настоящий, за окном. И только Олег в упор глядел на Старкова, улыбался, ждал ответа, а может, и знал его, да только не хотел помогать шефу: кому вопросик подкинули, тот и выкручиваться должен, а мы послушаем, получимся уму-разуму у старших товарищей.

«Хороши помощники, — обозлился Старков, — ждет от меня дипломатических уверток, говоря по-простому — вранья. Черта с два! Не дождетесь...»

Правда всегда убедительней любого вымысла, считал он. Да и зачем обманывать председателя, пользоваться его, мягко говоря, небогатыми знаниями современной физики? За три с лишним

года войны Старков прочно поверил в интуицию своего командира отряда, ставшего теперь председателем колхоза в Брянской области, в его легкую руку поверил, в его редкое умение почти точно угадывать зыбкий процент риска в любом ратном деле. А дела у партизан были тяжкие, не чета нынешнему, все-таки экспериментальному.

— Что будет? — раздумчиво протянул он. — Всякое может случиться, Петрович. Но одно скажу точно: никакой опасности для деревни не жди. — И, уже увлекаясь, как обычно, когда речь заходила о его теории, продолжил: — В прошлый раз мы воссоздали в зоне экранов сорок второй год. Сейчас мы поступим наоборот. Временное поле перенесет на тридцать с лишним лет назад наше время, наш день. В прошлый раз мы не сумели справиться с полем, даже не ведали, что может статься, если просто вырубить генератор. Сегодня мы сможем точно контролировать время переноса, при малейшей опасности отключить установку, прекратить опыт. В прошлый раз мы монтировали экраны-отражатели по кругу, с центром в точке действия генератора. Нынче мы выставили экраны по лучам-радиусам сектора, расходящимся от той же точки. Что это даст? Прежде всего, мы не ограничиваем себя хотя бы по одной координате. За пределами линии экранов поле не действует. Но по оси сектора мы растягиваем его действие на многие километры, а практически — бесконечно. Понял?

Председатель усмехнулся.

— Я за этот год, что вы в институте мудрили, за физику взялся. Кое-что из институтского курса вспомнил, кое-что новенькое подчитал, — и, заметив иронический взгляд Рафа, который оторвался от своего окна, соизволив-таки обнаружить интерес к беседе, сказал сердито: — А ты не ехидничай, студент. Я не к защите диссертации готовился, а к разговору с комиссаром, — он так и называл Старкова комиссаром — по старой памяти. — Чтобы не сидеть дурак дураком. Короче говоря, переиграли вы суть опыта: не они к вам, а мы к ним. Так?

— Так, — подтвердил Старков.

— Я тут вчера походил по вашим владениям, на экраны поглядел... Скажи, комиссар, ты их специально на северо-восток ориентировал?

Старков только руками развел: дотошен «батя», поймал комиссара на хитрости.

— Специально, Петрович.

— А кто пойдет?

Вот он, вопрос, которого ждал Старков, ждал и боялся, потому что так и не нашел на него однозначного ответа.

— Не знаю, — честно сказал он. — Давайте решать вместе.

Тут уж Олег не выдержал своего великолепного молчания:

— Ой, да не разводите вы здесь «парижские тайны». Что вы там придумали, профессор, выкладывайте.

— Дай-ка я скажу, — вмешался председатель, а Старков кивнул согласно: выкладывай, Петрович, раз аудитория просит. И только подумал про себя, что обидится на него аудитория, что скрыл он от них свой тайный умысел, дотянул до последнего дня. А почему скрыл? Может быть, потому, что военная память, память о тяжелом сорок втором принадлежала только

ему и не хотел он делиться ею с мальчишками пятидесятых годов, боялся, что упрекнут они его в сугубо личном подходе к цели эксперимента? Может быть, и так. Оттого и время выбрал осеннее, и избушку эту лесную. А ведь подход-то не совсем личный. Связан он прежде всего с ним самим, с бывшим партизанским комиссаром Старковым, и касается лично его, пожалуй, больше, чем кого-либо из присутствующих, ох как касается! Если только прав он в этом втором эксперименте...

— Вы знаете, — говорил председатель, — что в сорок втором году в этих местах действовал наш партизанский отряд. В селе, где сейчас мой колхоз, была базовая явка отряда. Обратили внимание небось: ни одного старого дома в деревне нет, все заново отстроены? Не мудрено: когда каратели совершили набег на нее, они все пожгли, ничего не оставили. Хорошо еще, успели нас свои люди предупредить, жителей мы к себе забрали.

— Всех? — спросил Димка.

Председатель нахмурился.

— Не всех, к сожалению... — обернулся к Старкову: — Помнишь Стаса Котенко? — И объяснил ребятам: — Старостой он в деревне был. Вроде бы фашистский ставленник, а на деле наш колхозник, коммунист, невероятной отваги человек. Мы ему тогда твердили: «Уходи, Стас, все равно деревня «засвечена». А он: погодим маленько, может, и выкрутимся. Мол, я у гитлеровцев на хорошем счету, кое-какая вера ко мне у них есть. Вот и погодил...

— Убили? — подался вперед Димка.

— Повесили. Как раз в сентябре сорок второго. Его и еще пятерых.

— А вы куда смотрели? — Голос Димки сорвался от возмущения.

Председатель покачал головой:

— Не горячись, парень. Мы не смотрели, мы дрались. Да только мало нас было в то время. Основные силы отряда ушли в район Черноборья на соединение с отрядом Панкратова. А здесь остался обоз и взвод охраны — двадцать девять бойцов во главе вон с ним, — он кивнул на Старкова, помолчал немного, покусал губы — разволновался, вспоминая. — Обоз они потом привели в Черноборье. Да только вместо двадцати девяти бойцов пришло одиннадцать. А пятерых привезли раненых. Комиссара даже хотели на Большую землю отправить: легкое ему прострелили, да две пули из «шмайсера» в ногу застряли. Только разве его отправишь? Уперся — и ни в какую. Залатали потом, нашелся умелец. Не свербит к непогоде?

Старков потер ладонью грудь, улыбнулся:

— Все пули мимо нас, батя.

— Стало быть, не все. Не спасла тебя твоя поговорочка.

— Да разве это пули? Так, пчелки... Жив я, батя, и жить до-о-олго собираюсь.

— А сперва посмотреть хочешь на себя молодого?

Старков посерьезнел, сел прямо, руки на стол положил — так он лекции в институте начинал читать: минут пять выдержит, посидит смиренно, голос ровный-ровный — не повысит, а потом забывает о роли мудрого педагога, вскакивает, ерошит волосы, носится у доски — мальчишка мальчишкой,

— Нет, Петрович, не хочу, — тихо сказал он. — Не имею права.

— Парадокс времени? — усмехнулся председатель. — Слышал.

— Не того парадокса я боюсь, Петрович... Я себя самого боюсь, сегодняшнего, умного да опытного. Физика Старкова боюсь, кто наверняка не даст комиссару Старкову сделать те ошибки, что были сделаны.

— А почему бы не поправить комиссара? Хотя нет, — председатель вспомнил прочитанное за зиму, — не имеешь права: изменяя прошлое, невольно изменишь будущее.

— Не то, Петрович, недопонял ты, или я не объяснил тебе суть опыта. Мы не путешествуем в прошлое, в то прошлое, которое было у нас. Мы вроде бы создаем его точную модель, копию, матрицу. Не знаю, как это получается, но наш опыт никак не влияет на реальную жизнь. Мы в институте в испытательной камере делали, например, такую штуку. Сажали в камеру белую мышь, фиксировали ее там на определенный отрезок времени, а через сутки восстанавливали в камере этот отрезок, умерщвляли ее, возвращались в свое время — а она жива-живехонька.

— Может, не ту мышь убивали?

— Другой в камере не было. Этот эффект мы проверили сотни раз, он неизменен. Поэтому и предположили, что наша установка дает возможность вернуть не само время, а какую-то его вариацию, точную вариацию. И реальную до мелочей: мышь-то в нашем опыте погибала.

— А если не мышь? Если человек?

— Это все-таки не наше время, Петрович, вернее, не наша линия времени. Хочешь узнать, что будет, если я вернусь в срок второй год и, скажем, убью самого себя молодого?

— Допустим.

— И допускать нечего. Ничего не будет. Сегодняшняя мышь, то есть физик Старков, останется невредимой. Но ты верно заметил о моем путешествии: не имею права. Морального права не имею. Права помешать моему аналогу самостоятельно выбирать дорогу жизни. А скорее просто боюсь этой встречи...

Председатель растерянно смотрел на Старкова. Видно, не хватало ему знаний по физике, полученных из тех пяти-шести книг, что одолел он за зиму, не мог он представить себе другого времени.

— Где же она будет, встреча эта?

— Не будет ее. А если б и была, то где-то в иной плоскости, где есть свой Старков, свой лес, свой отряд.

— Второй Старков?

— А может, десятый. Двадцатый. Сотый. Кто знает, сколько их, этих плоскостей времени, линий, как мы их у себя называем?

— И везде одно и то же? Везде война, везде бой, везде повешенный карателями Стас?..

— Не знаю. Вот ребята вернутся — расскажут...

Слово сказано: «Ребята вернутся». Все давно решил Старков: и что именно он останется вести поле, и что именно студенты пойдут в прошлое, в его прошлое. Давно решил, да только не

хотел сознаваться в том, потому что жила где-то в глубине души тщетная надежда оправдать для себя свое путешествие в сорок второй год.

Но кем он придет к тому Старкову? Старковым нынешним, «остепененным» ученым с громким именем, с прекрасным и светлым вариантом возможного будущего? Не имеет он на то права, не должен отнимать у молодого комиссара жизненной необходимости пройти свой путь — по ухабам, по рывтинам, но свой, не навязанный кем-то, не подсказанный. Или явиться к нему сторонним советчиком, разумным покровителем и помощником, потому что не сможет нынешний Старков остаться лишь наблюдателем — равнодушным и хладнокровным. Пустая затея, слишком хорошо он себя знает: и себя сегодняшнего, и себя молодого. Один не устоит, вмешается в жизнь другого, а другой не примет вмешательства, по молодой горячности еще и «шлепнет» физика. Хочется умереть, Старков?

Да не в том дело, господи! Жить хочется, но жить «как на роду написано», так, кажется, в старину говорилось. А встреча двух Старковых напрочь перевернет «написанное на роду» и одному и второму.

А если все-таки затаиться, ничем не выдать себя, просто быть, просто увидеть, просто почувствовать, ни во что не вмешиваться? Сможешь, Старков? Нет, наверно, не умел он существовать в раковине, даже если эта раковина сделана из самых высоких и гуманных побуждений.

Значит, вывод один: пойдут ребята. Но все ли? Они ведь еще толком не знают, куда пойдут.

— В семи-восьми километрах точно на северо-восток находилась основная база партизанского отряда вплоть до его соединения с панкратовцами. — Старков снова выпрямился, положил руки перед собой, говорил сухо, чуть монотонно — читал лекцию. — Двадцать шестого октября, как вам уже сказал командир отряда, основные силы ушли в Черноборье, где Панкратов готовил крупную операцию. Таков был приказ с Большой земли. В районе деревни остался обоз и двадцать восемь бойцов с командиром. Предполагалось, что по выполнению панкратовской операции отряд вернется, потому что партизаны не хотели терять контроль над этим районом, где тем более сохранялась явочная деревня под нашим наблюдением. Мы знали, что в деревню будут отправлены каратели, но считали, что их силы не превысят одного взвода. Однако у гитлеровцев, как оказалось, были сведения о местоположении отряда, и к деревне была выслана мотострелковая рота, усиленная взводом пулеметчиков. Бой, как вы понимаете, был неравным. Может быть, его вообще не следовало принимать..

— Ты что, Старков, — председатель удивленно смотрел на него. — Как это не следовало? Ведь в деревне оставались наши? Что ж, бросить их, по-твоему, следовало, а?

— Мы им ничем не помогли, батя, — тихо сказал Старков, махнул рукой, резко поднялся, отбросив ногой табурет, зашагал по тесной комнате — три шага от стены к стене. — Что было, то было, нечего ворошить. Давайте решим, кто пойдет на искомую линию времени. Ну, я слушаю, — Он обвел взглядом сидящих за столом.

Олег опять улыбнулся — широко и беззаботно:

— Я пойду, шеф.

— И я, — откликнулся Димка.

Раф аккуратно поправил очки, спросил вежливо:

— Вы справитесь с установкой в одиночестве?

Председатель неожиданно расхохотался:

— Ну, орлы! Ну, герои! Все, видишь ли, пойдут... А знаете ли вы, соколики, на что рветесь? Там страшно. Там стреляют.

Раф удивленно взглянул на него:

— Мы не вчера из детского сада, уважаемый товарищ председатель. Не надо нас пугать.

— Да чего болтать. — Олег тоже поднялся, подошел к Старкову, встал рядом, обнял его за плечи. — Если вы не против, шеф, все и пойдём. Гоните инструкции.

Старков, честно говоря, и не ждал, что кто-то из них сдрейфит, откажется идти. Хотя предлог был — первый сорт: Старкову одному придется трудно, установку должны обслуживать как минимум двое. Но он не решился напоминать об этом ребятам. В конце концов, сам справится, не впервой.

И тут подали голос председатель:

— А не тряхнуть ли и мне стариной, а, комиссар?

— Ну уж нет, — сердито сказал Старков. — Будешь мне помогать.

— Да я не умею, — взмолился председатель.

— Научу, — и не сдержался, добавил ехидно: — Ты ж у нас физику решил изучать. Пользуйся случаем, пополняй знания.

2

Эксперимент назначили на утро следующего дня. К выходу во время готовились прочно и основательно. Председатель принес из дому старенькую, стертую на сгибах карту-двухверстку, разложил на клеенке, вооружился линейкой и карандашом.

— Запоминайте маршрут, — сказал он, — карту с собой брать не будете.

— Это почему? — удивился Димка.

Начитанный парень Раф, большой знаток детективно-приключенческого жанра, покровительственно похлопал его по плечу.

— Когда мы попадем к партизанам, нас, вероятнее всего, обыщут и найдут карту.

— Ну и что?

— Темный ты человек, Димка. Никакого понятия о конспирации. Ну посуди сам, откуда у обыкновенных мальчишек может быть точная карта местности?

— Да еще выпущенная в шестьдесят девятом году, — вставил Олег, внимательно следивший за чертежными манипуляциями председателя. Тот ориентировал карту по компасной стрелке, отметил точкой избушку лесника, высчитал азимут, прочертил по линейке красную линию маршрута.

— Не только в том дело, — терпеливо объяснял Раф. — Да будь она датирована тридцать девятым годом, все равно ее нельзя брать. Кто нас мог снабдить картой? Партизаны? Значит, необходимо знать все о партизанском движении в здешних местах. Вряд ли наш уважаемый профессор был менее дотош-

ным в то время. Он мгновенно поймает нас на неточности или, что хуже, на незнании обстановки и поставит к стенке.

Старков подумал, что Раф вряд ли преувеличивает. Комиссар Старков не стал бы церемониться с подозрительными типами, даже перепроверять их не стал бы: времени не было, фашисты вот-вот подойдут, бой впереди, некогда разбираться. Ну не к стенке, это уж слишком. А вот повязать голубчиков накрепко, кляп в рот, сунуть в одну из обозных телег под солому — вполне реально. А эта реальность лишит участников эксперимента свободы действий — и в буквальном смысле, и в переносном.

— Легенда вам нужна, — сказал он, а Раф немедленно откликнулся:

— И не просто достоверная, а вызывающая минимум контрвопросов. Подумайте, профессор, вспомните ваше партизанское прошлое. Кем бы мы могли к вам явиться?

«Допустим, в расчете времени мы не ошиблись, — думал Старков. — Допустим, отряд уже ушел в Черноборье. Нас двадцать девять. С нами десять телег обоза, десять лошадей и, если мне память не изменяет, жеребенок. Допустим, мы еще не знаем, что каратели придут именно сегодня. И сколько их будет — не знаем. Но то, что их следует ждать, известно доподлинно. И мы их ждем, для того и остались. И вот появляются трое парней... Откуда?»

— А может, не стоит им идти в отряд? — подал голос председатель. — Может, затаятся они где-нибудь, посмотрят, подслушают — и назад? Ведь ты же их со своей дурацкой подозрительностью сразу за провокаторов примешь.

— Это ты сегодня мою подозрительность называешь дурацкой, — усмехнулся Старков. — А тогда она тебе совсем не мешала.

— Так то тогда... — туманно протянул председатель.

Олег оторвался от карты, на которой красной нитью протянулся семикилометровый путь от избушки до предполагаемой базы отряда, вмешался в разговор:

— Не подозрительность дурацкая, а простите, весь ваш спор. Я, например, не собираюсь отсиживаться в кустах. Предлагаю версию. Мы пришли из деревни Ивановки, которая в сентябре сорок второго была полностью сожжена гитлеровцами.

— Где это — Ивановка? — спросил Димка.

— В семидесяти километрах южнее. Теперь там колхоз имени Якова Лескова.

— Нам за двадцать, — сказал Раф. — Резонный вопрос: почему мы не в армии?

— Потому что мы партизаны из отряда Лескова.

— А на кой черт мы явились сюда?

— Отряд Якова Лескова, базировавшийся около Ивановки, в том же сентябре был полностью уничтожен фашистами. У Лескова было всего пятьдесят четыре бойца, из которых тридцать шесть — костяк отряда — не сумевшие выйти из окружения солдаты пехотного полка. Остальные — колхозники из Ивановки. Отряд просуществовал всего три месяца, не успев выйти на соединение ни с одним крупным партизанским подразделением, выдан фашистам предателем и разбит наголову в бою под Ивановкой двадцать первого сентября. Яков Лесков,

капитан Красной Армии, посмертно награжден орденом Отечественной войны, его именем назван колхоз. — Он повернулся к Старкову. — Вы должны были знать о его существовании, но никого из людей Лескова никогда не видели. Точно?

— Точно, — сказал Старков. — Мы знали о них.

Он с удивлением смотрел на Олега. Откуда тот узнал о существовании отряда, о деревне Ивановке, о которой даже многие местные колхозники не слышали: она расположена на территории другого района.

— Откуда сведения? — Раф опередил его вопрос.

— Всяким прогрессом движут интуиция и интерес, — Олег явно упивался неожиданной для друзей ролью знатока военной истории — умной ролью, думал Старков, очень уместной и вызывающей уважение. — Две недели назад, как вы помните, я мотался в город за конденсаторами. Конденсаторы я не достал, но зато полдня просидел в краеведческом музее и теперь кумекаю в партизанском движении в районе не хуже Петровича или шефа. Тогда у меня и сложилась модель легенды, с которой мы пойдем в прошлое.

— Погоди, погоди, — прервал его Старков, — а откуда ты знал мой план? То, что вы пойдете именно в наш отряд и, кстати, в эти же дни? Я, каюсь, ничего вам не говорил...

— Впрямую не говорили. Но примерная дата выхода была известна. О существовании вашего отряда мы еще в прошлом году узнали. Петрович не раз рассказывал о нем. Из того, куда мы ориентируем экраны-отражатели, тоже вывод сам собой напрашивается. Идти без легенды, без точного знания обстановки — пустой номер: не на прогулку собираемся. Вот я и решил все продумать заранее. А то на охоту ехать — собак кормить... — Все это он произнес с этойкой ленцой в голосе: мол, что поделаешь, приходится объяснять очевидное, предельно ясное, если сами не разбираются.

Он подвинул табурет к стене, прислонился к плакату с грустящей девичьей, оглядел слушателей: ну, что еще непонятного?

— А парень-то — хват, — с восхищением протянул председатель.

— Хват — не то слово, — сказал Старков.

Ему казалось, что он распрекрасно знает своих студентов, их непростые характеры, их привычки, их интересы. С известной самоуверенностью он даже пытался прогнозировать поведение каждого в ситуациях, которые сам же устраивал им — в институтской лаборатории, на экзамене, даже в домашней обстановке. И почти никогда не ошибался в прогнозах, может, самую малость, какую и в расчет принимать не стоит. Выходит, обманывал ты сам себя, комиссар, спешил с выводами. Раф, мол, умница, теоретик с хорошим будущим, спокойный, даже несколько медлительный, рассудок у него преобладает над чувствами. Димка погорячее, вспыльчивый, неусидчивый, легко увлекающийся и легко меняющий свои увлечения. А Олег... Олег посложнее, это и прошлогодняя проверка боем отлично показала. Его поступки труднее предугадать, и все-таки ты пытался это делать, и вроде бы получалось. Но получалось-то в простых случаях, не требующих, выражаясь языком математики, дополнительных вводных, — на том же экзамене или в лаборатории. Придумал

ты себе схемы, Старков, и хочешь втиснуть в их тесные каркасы живые и совсем нестандартные характеры. Опять-таки возвращаясь к математическим терминам: характеры, не поддающиеся алгоритмированию. Да и разве возможно построить модель человеческого характера, даже самого бесхитростного? Нет, конечно! Всегда она будет беднее и однозначнее живого аналога. Плохой из тебя комиссар, Старков, просто никудышный. Самоуверен ты и толстокож. А может, на пенсию тебе пора, на покой, цветочки на даче разводить, а с людьми только за обеденным столом встречаться, где застольные условности вполне позволяют несложный прогноз поведения соседей?

— А может, мне на пенсию пора? — Старков и не заметил, как спросил это вслух.

Олег засмеялся.

— Время жить и время самобичеваться. У нас сейчас время жить, профессор, а самобичеваться потом будем, если причины найдутся. Пока их нет и не предвидится. Все хорошо, прекрасная маркиза. Давайте-ка лучше разберемся в нашей легенде. Я спрашиваю, вы отвечаете. Идет?

— Идет, — хором откликнулись Раф и Димка. Они охотно приняли игру, предложенную Олегом, ничуть пока не сомневаясь в том, что это все же игра. И трудно было упрекнуть их в легкомыслии, потому что не могли, не умели они представить себе жестокую реальность, в которую их поведет эксперимент. В конце концов, это та же лаборатория, та же испытательная камера, но перенесенная в осенний холодный лес, бесконечно раздвинувшая свои прозрачные стенки. И они — хозяева положения, экспериментаторы, а белая мышь в камере по-прежнему жива и здорова и лопает крошки хлеба с ладони. И все хорошо, все расчудесно.

— У меня сомнение, — сказал Олег. — Кем лучше быть: коренными жителями Ивановки или окруженцами?

— Лучше окруженцами, — сказал Димка. — Кто-то из отряда Петровича мог бывать в Ивановке, знать ее жителей.

— Согласен. Значит, все мы москвичи, московские студенты, ушедшие в действующую армию и ставшие впоследствии бойцами отряда Лескова. Подробностей об отряде никто у Старкова не знал, так что здесь мы можем дать волю фантазии — в умеренных пределах, конечно.

— Если станут спрашивать, — добавил Димка.

Председатель хмыкнул, взглянул на Старкова, а тот ответил незамедлительно:

— Станут, станут. Или вы меня не знаете?

Они его знали отлично. И, что хуже, он сам себя знал, и характер свой дотошный и подозрительный, и неумение отвлечься от главного дела, вдумчиво разобраться в том, что именно отвлекло. А главным делом для него тогда была деревня. И каратели, которых ждали со дня на день. И обоз, который необходимо сохранить, довести до Черногорья. А трое сомнительного вида партизан-лесковцев, трое сопляков, так не вовремя подвернувшихся на пути, — как раз отвлекающий момент. И может, не разбираться в нем, не взвешивать их показания на аптекарских весах? Сгодятся и хозяйственные, где увесистая гиря замечательной комиссарской бдительности все перевесит,

...Ах Старков, Старков, куда ты посылаешь своих ребят, не обученных лгать хитро и правдиво, даже когда речь пойдет об их собственной жизни? Не знают они ей цену, не лежали они часами в засадах, не ждали ежеминутно выстрела в спину, не знали, что лес этот, тусклый осенний лес, чертовски опасен и для врагов, и для своих. Они пойдут по нему, как ходили всегда, легко и беззаботно, не ожидая ни взрыва мины на тропе, ни внезапной автоматной очереди из мокрых кустов орешника, ни даже окрика «Стой!», когда надо именно стать, и поднять руки, если в упор на тебя смотрит черное дуло «шмайсера», и говорить что-то, и ждать момента, чтобы выбить этот «шмайсер» из рук врага, успеть поймать его на лету, бросить на землю тренированное страхом и мужеством тело и стрелять, стрелять. Впрочем, это они умеют, особенно Олег...

— Мы вас знаем, — сказал Олег, — и сделаем небольшую скидку на ваш неразумывающий комиссарский возраст. Не беспокойтесь, комиссар, все пули мимо нас.

Если бы так! Если бы верна была глупая поговорочка...

— Ладно, — решил он, — бог не выдаст, как говорится. Давайте отрабатывать подробности.

Пока Старков гонял Олега и Рафа по карте, заставлял их по многу раз мысленно проходить завтрашним маршрутом, рассказывал о возможных партизанских постах и дозорах, описывал бойцов, которые остались тогда с ним, председатель с Димкой отправились в деревню за экипировкой. Они вернулись часа через два, нагруженные потрепанными телогрейками, стоптанными кирзовыми сапогами и прочими принадлежностями возможного партизанского туалета. Решили, что Димкина выцветшая ковбойка в дело сгодится, как и грубошерстный свитер Рафа, а Олегу председатель выдал собственную гимнастерку, штопаную-перештопаную, с темными следами споротых погон.

Олег осмотрел ее и отложил в сторону.

— В чем дело? — обиделся председатель. — Не понравилась?

— Не годится, — отрезал Олег. — Какие, к черту, погоны в сорок втором году?

— Ах, беда какая! — перепугался председатель. — Старый дурак. Ну а ты, паренек, прирожденный разведчик.

«Что ж, начало хорошее, — думал Старков. — Олег внимателен и собран, вкус предстоящего приключения не заглушает в нем осторожности. Заметил следы погон, знает, что в сорок втором офицерские знаки различия носились в петлицах».

— Тогда хоть рубаху возьми, — председатель рылся в куче «добра», собранного в его доме и в доме соседа. — Хорошая рубаха, неподозрительная.

Полосатую темно-синюю рубаху Олег одобрил, как одобрил и старые диагоналевые брюки, и солдатские галифе, и невесть как сохранившуюся довоенную кепочку с пуговицей на макушке. Вооружившись бритвой, оглядел всю одежду, спорол фабричные метки, отодрал у сапог куски подкладки, на которой обнаружились чернильные артикулы, отругал председателя за то, что притащил новую простыню на портянки.

— Мы же не одни сутки в пути. Откуда у нас портянки девственной чистоты? В своих пойдем.

Он только ненадолго забыл о своей серьезности, когда нача-

лась примерка обмундирования, хохотал вместе с ребятами над длинным очкариком Рафом, у которого председателивы брюки мешком висели на тощем заду, потом отобрал у него кожаный ремешок, сходил в подсобку, вынес оттуда моток веревки, отрезал на глаз кусок.

— Веревошкой подпояшешься. Так похоже будет: свои порты не сохранил, пока из окружения шли, а эти в деревне достал — уж какие были.

Старков вспоминал своих бойцов, думал, что Олег подсознательно держится верной линии. В самом деле, какую одежду они носили в те годы? Своя рвалась и снашивалась, а магазины — увы! — не работали, вот и перебивались чем попало, даже, чего греха таить, с мертвых снимали. Он смотрел на студентов: в общем, ничем особенным они не отличались от тогдашних своих ровесников. Разве что волосы подлиннее — так ведь лес это, ни парикмахерских тебе, даже бани порой не было. За минувший месяц лица их обветрились, руки огрубели от монтажной работы, ссадины на них взбугрились коричневой коркой.

— О вещмешках подумайте, — напомнил председатель.

В вещмешки уложили помятые солдатские кружки, откопаные хозяйственным Димкой в председателском сарае в сундуке, пару обмылков, опасную бритву с обломанной ручкой — одну на троих, каждому по смене стираных портянок, еще какие-то мелочи, которые могли сохраниться у солдата, крупную соль в тетрадном листке, сахарный песок в чистой тряпице.

— А как быть с документами? — спросил Раф.

И снова Олег опередил Старкова и не ошибся:

— Какие документы? Свой комсомольский билет возьмешь? Когда тебя принимали в комсомол? В шестьдесят восьмом? Нет, старик, документы свои мы зарыли в землю, когда выходили из окружения. Где зарыли — запомнили. А вообще чего мы ждем? Ну-ка вернитесь, комиссар, в сорок второй год. Перед вами три подозрительных типа. Допрашивайте.

Старков усмехнулся: стоит попробовать. Он представил себе землянку в один накат, тусклый язычок копилки, колченогий стол, на котором почти такая же карта, как здесь. Он сидит на низком топчане, с трудом пытается побороть сонливость: двое суток не спал, вымотался. Перед ним трое парней в драных ватниках, усталые, осунувшиеся от долгого перехода лица.

— Кто такие? — спросил он и сам удивился и резко тону своему, и внезапно охрипшему голосу, как после бессонницы и махры-глоткодерки. И председатель взглянул на него с удивлением, будто услышал что-то знакомое, давно забытое, наглухо забитое в черном провале прошлого.

— Солдаты мы, — быстро ответил Олег. — Вас искали, — улыбнулся счастливо, переступил с ноги на ногу — сесть никто не предложил, сказал вроде бы облегченно: — Вот и нашли...

И покатился допрос по накатанным рельсам, и, похоже, не было ошибок в ответах студентов, хотя отвечал чаще Олег, в котором и Раф и Димка молчаливо признали командира.

— Лады, — сказал наконец Старков, хлопнул ладонями по столу. — Давайте ужинать и спать. Утро вечера не дражнее. Подъем в шесть ноль-ноль.

Утром Олег отказался завтракать и ребятам запретил.

— Мы в отряд должны оголодавшими прийти. Какая в дороге жратва? Вода да хлеб, если пожалеет кто из деревенских. А то нальют нам в вашем отряде похлебки, а мы морду воротить станем. Куда это годится?

Бриться тоже не стали, оделись тщательно, выстроились позади Старкова, севшего у генератора.

Старков щелкнул тумблером автонастройки поля, стрелка на индикаторе напряженности качнулась и поползла вправо.

— Есть поле, — скучным голосом сказал Раф.

Стрелка прочно встала на красной черте.

— Ну, с богом, как говорится, — Старков встал и повернулся к ребятам: — Как связь?

Олег вытащил из кармана пластмассовую коробочку дублиера-индикатора. С его помощью в зоне действия временного поля можно было передать сигнал на пульт. Дежурный — сегодня им оставался Старков — принимал сигнал и вырубал питание. Поле в этом случае исчезало, и участники эксперимента благополучно возвращались в свое время. Олег нажал кнопку на дублиере, посмотрел на пульт. Там зажглась лампочка: сигнал принят.

— В порядке.

— Вы это... — председатель почему-то стал заикаться: от волнения, что ли? — не тащите ее в отряд, коробочку вашу. Схороните где-нибудь, а то найдут...

— Знаем, — отмахнулся Олег, спрятал дублиер в карман, вскинул на плечо легонький вещмешок. — Тронулись. — И пошел к двери, не оборачиваясь. Ребята за ним, только Раф чуток задержался на пороге, сказал:

— Не волнуйтесь, товарищи. Все будет тип-топ.

Потом, когда они отошли от избышки метров за сто, еще раз оглянувшись, увидел: Старков и председатель стояли у открытой двери, смотрели им вслед. Раф помахал рукой на прощанье, вытер лицо рукавом телогрейки, пошлепал вслед за Олегом и Димкой, уже нырнувшими в мокрые заросли орешника. Ему было почему-то жаль Старкова, а почему — не знал. Да и анализировать, копаться в себе, в жалости своей не хотелось. Не до того было. Они шли по лесу, под ногами хлюпала насквозь пропитанная водой земля, осенняя земля сорок второго года. Где-то далеко отсюда шли бои, фашисты вышли к Волге. Окна старого арбатского дома, где с детства жил Раф и где он еще не успел родиться, были заклеены крест-накрест белыми полосками бумаги. Мать Рафа ушла на дежурство в свою больницу. Отец... Где был отец в это время? Наверно, уже под Сталинградом, командовал взводом. Они еще не познакомились с матерью, это произойдет много позже, после победы, когда отец вернется в Москву, снова поступит на третий курс медицинского института, откуда он ушел на фронт в июне сорок первого года. И было ему тогда всего двадцать. Господи, да Раф, выходит, старше его!

Раф усмехнулся этой внезапной догадке.

«Кому из нас труднее, отец? Тебе — потому что ты сейчас в

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

самом пекле войны, и впереди у тебя Сталинград и Курская дуга, потом Варшава, а потом Будапешт, и не знаешь ты ничего о своем будущем, ни о маме, ни обо мне? Или все-таки мне — потому что это не мое время, я чужой в нем, меня просто-напросто нет на свете? Выходит, не чужой. И это мой лес, и моя война, и я тоже не знаю, что впереди будет...»

Олег, обогнавший их, вдруг остановился, огляделся.

— Километра два осталось. Давайте-ка здесь и сховаем дублер. Место знакомое, приметное. — Он вытащил коробочку, положил ее в заранее приготовленный полиэтиленовый пакет, сел на корточки, начал копать под раздвоенной березой землю подаренной председателем финкой с пестрой наборной рукояткой.

— Не рано ли? — осторожно спросил Раф. — Если что случится, два километра пилить придется.

— А что случится?

— Мало ли... — пожал плечами Раф.

— Вот что, парни... — Олег бережно опустил в ямку пакет с дублером, сгреб на него мокрую землю, набросал листьев, выпрямился, отряхивая руки. — Мы должны вернуться через двенадцать часов. Это максимальный обусловленный срок, когда шеф вырубит поле. Раньше я возвращаться не намерен. Что бы ни случилось. Есть возражения?

У Рафа, пожалуй, были возражения. Он не любил рисковать вслепую, просто не умел, не приходилось ему рисковать в его короткой двадцатидвухлетней жизни. Он готовился стать физиком-теоретиком, да и был им уже по духу, по призванию, и твердо знал, что всякий эксперимент, тем более опасный, необходимо продумывать до мелочей, предусматривать любые случайности, рассчитывать их и даже планировать наперед. Но то, на что они шли, уже вышло за рамки самого необычного эксперимента. То была жизнь, а жизнь наперед не рассчитаешь. И он не стал возражать Олегу. Сейчас они партизаны, и впереди встреча с людьми, которым, может быть, завтра предстоит бой, тяжелый бой, последний. Стыдно знать о том и трусливо держаться за спасительную коробку дублера: вы, мол, сами по себе, а мы ни при чем, у нас другие задачи. Другие? Нет, Раф, не хитри сам с собой: одни у вас задачи, одни цели. Хотя бы на полсуток. Прав Олег.

И Раф сказал:

— Какие могут быть возражения?

И Димка молча кивнул. А Олег улыбнулся широко и радостно — видно, все-таки ждал возражений! — ухватил друзей в медвежьих объятиях, стукнул лбами:

— Молодцы, гаврики.

Он отпустил ребят и снова пошел вперед, уже осторожнее, поглядывая внимательно по сторонам, приглядываясь к каждому дереву, к любому кусту. Сколько раз они здесь ходили? Десятки. И был тот же дождь, и те же продрогшие деревья, и, казалось, ничего в мире не изменилось с тех пор, как Старков включил генератор. Раф даже начал подумывать, что не сработало поле, хотя сам многократно проверял настройку, а себе он верил, внимательности своей верил, скрупулезной точности. Но они шли дальше, и ничего не происходило, никто не высказывал на тропу, не пугал автоматом, не кричал сакраменталь-

ное: «Стой! Кто идет?» Раф совсем успокоился, что-то насвистывать стал, но Олег оборвал его:

— Тише! Не дома...

И вовремя.

Они продрались сквозь кусты, в который раз осыпавшие их холодной дождевой водой, выбрались на поляну и замерли. Перед ними стояли три человека — один в телогрейке, другой — в выгоревшей плащ-палатке, третий — в шинели со споротыми петлицами. Три автомата наперевес, три черных стальных зрачка. Недружелюбные колючие взгляды.

— Ну-ка, ручки... — один из людей качнул автоматом, и Олег медленно поднял руки вверх. Раф и Димка сделали то же. — Проверь их, Севка.

Небритый Севка перебрал автомат за спину, бесцеремонно ощупал карманы, провел по груди, по бедрам ладонями, отобрал вещмешки, по очереди развязал их, заглянул в каждый.

— Вроде пустые, — сказал он, по-волжски окая.

— Куда путь держите? — спросил первый, тот, что в плащ-палатке, не отводя, однако, дуло автомата.

— За грибами, — зло сказал Олег. — Погода, понимаешь, грибная.

Севка хлопнул себя по бокам, захохотал тоненько.

— Масляток им захотелось. Есть маслятки, — вернул автомат на грудь, взял наизготовку. — Только не по вкусу будут, больно горькие масляточки-то.

— Не паясничай, — оборвал его первый. — Возьми их вещмешки. Отведем к комиссару, пусть сам разбирается. Грибники, так вашу... — выругался, сплюнул. — А ну живей! Рук не опускать.

Партизан в шинели пошел впереди, оглядываясь поминутно, а первый с Севкой шли сзади, подталкивали автоматами в спину, и Раф невольно ускорял шаги, потому что был твердо уверен: эти выстрелят, особенно весельчак Севка, который явно не привык раздумывать, предпочитал действовать с налету и беспечно расстрелял бы пришельцев, если бы не приказ первого. Раф вспомнил: Старков рассказывал о Севке, называл его лихим и бесшабашным парнем, прекрасным боевиком. Он, кажется, из Брянска, детдомовец. А первый — Торопов, так, помнится? Учитель географии. А третий, в шинели? Кто его знает... Может, его Старков и не называл, не вспомнил.

Так они прошли минут пять — молча, с поднятыми руками. Руки с непривычки затекли, Раф попытался украдкой пошевелить ими, но Севка сильно ткнул его автоматом:

— Не балуй.

— Руки устали, — тихо сказал Раф.

— Отдохнешь еще, коли дадут. Недолго осталось.

Осталось и вправду недолго. На огромной лесной поляне стояли телеги, крытые рваным брезентом, поодаль, привязанные к длинной следе, прибитой к двум елям, теснились лошади — шесть или восемь, Раф не успел сосчитать. Из землянки навстречу им вышел партизан в матросском бушлате, увидел неожиданную процессию, остановился:

— Тю-у... Севка шпионов поймал.

— Где комиссар? — спросил его Торопов,

— У себя.

Торопов нырнул в низкий вход в землянку, пробыл там с полминуты, выглянул:

— Давай их сюда. Матвей, стой у входа.

Матвей опустил автомат, поднял воротник шинели, спрятал в него лицо. Севка подтолкнул Олега, пробурчал:

— Пошевеливайтесь. Комиссар ждет.

Нагнув головы, они спустились по земляным ступеням в сырой полумрак землянки. Раф остановился у порога, огляделся. Черные бревна стен, низкий потолок, стол, на столе коптилка, невысокое желтое пламя качнулось в латунном снаряжном патроне. За столом на топчане двое. Раф пригляделся. Один — Торопов. Он снял плащ-палатку, остался в гражданской бобриковом пальто, какое, видно, носил еще до войны. Второй — бородатый, в расстегнутой гимнастерке. Жарко ему, видите ли. Комиссар?

— Кто такие? — хрипло спросил комиссар, и Раф вздрогнул. Ждал он этого, все знал, и все-таки странно было услышать в холодной, почти нереальной песенной землянке голос Старкова. Значит, это был именно Старков — неузнаваемый, даже не по молодежью, а какой-то иной, незнакомый. Борода его, пожалуй, старела, но и изменяла начисто. Если бы не голос, Раф ни за что не узнал бы его.

— Кто такие? — повторил комиссар, и Олег быстро ответил:

— Солдаты мы. Вас искали, — улыбнулся, переступил с ноги на ногу, сказал облегченно: — Вот и нашли...

— Какие солдаты? Откуда?

— Из отряда Якова Лескова. Слышали?

— О Лескове слышал. А к нам зачем?

Олег закурил губу.

— Трое нас осталось, — глухо, сквозь зубы.

— Как это?

— Проще некуда, — в голосе Олега была злость: и на комиссара, задававшего неумные и ненужные вопросы, и на судьбу свою, заставившую пережить гибель отряда. — Нет больше Лескова. Убит капитан. И все убиты! — выкрикнул, даже голос сорвался.

— Ну-ну, — Старков стукнул кулаком по столу, патрон подпрыгнул, пламя мигнуло, закачалось. — Без истерик! Что с отрядом?

— Нет отряда. Выдала какая-то сволочь. Четвертого дня нас окружили у Ивановки, караул сняли, брали спящих, как куропаток. Нас-то и было всего ничего: полсотни бойцов. Все полегли. А мы вот живы...

— Та-ак, — протянул Старков. — Жаль Лескова. Да только не надо ему было самодеятельностью заниматься. Соединился бы с нами. Или с Панкратовым. Полсотни бойцов — не сила.

— А что сила? Армия — сила? Вам легко говорить, вы небось давно партизанили. А мы с Лесковым из окружения шли — не выбрались. Застрели в Ивановке, колхозники к нам присоединились — так хоть воевать начали, а не драпать. Знаете, что значит для нас бить врага? Дервались мы, понимаете? Капитан собирался идти на соединение к вам, да вот не успел. Говорил: еще одна операция — и баста. За три месяца сколько операций — не сосчитаешь. Аэродромные склады, железнодорожная ветка, четыре взвода карателей. Это как запой...

— Допились...

Олег резко шагнул вперед, схватился за стол, закаменело лицо в свете копилки, ходили желваки по щекам.

— Слушай, комиссар, или кто ты есть, ты Лескова не суди. Он со своим делом справлялся. Знаешь поговорку: о мертвых или хорошо, или...

— Или. Встань на место! А то тебя Севка пристрелит ненароком. А дело свое Лесков не доделал. На войне погибнуть легче всего. Ты выжить попробуй. Да не на печке схорониться, а на передовой.

— Так нет здесь передовой.

— Есть. Везде, где бой, там и передовая. Ты мне лучше скажи, почему тебя не убили, орел лихой? Сумел выжить?

— Уйти сумел.

— А оружие где потерял?

— Патронов не было. Да и что за оружие — один «шмайсер» на троих. Закопали его по дороге.

— Кто будете?

— Я же говорю: солдаты. Москвичи. Из роты капитана. С самого начала с ним были.

— Москвичи? Студенты или рабочие?

— Студенты. Третий курс физфака.

— Ты смотри: земляки, выходит. А я тоже хотел в МГУ на физфак поступить, да война помешала. Ничего, наверстаю...

Раф смотрел на Старкова и удивлялся: совсем, оказывается, молодой парень казался много старше своих лет и совсем не потому, что борода прибавляла годы. Рассуждал он как взрослый, опытный, много поживший человек. Война его состарила, оборвала юность, заставила стать не по возрасту мудрым. В конце концов, комиссаром его выбрали не за мудрость, а скорее вопреки ей. Потому что именно вопреки ей он и повзрослел не по годам. Все они, мальчишки, ушедшие на фронт со школьной скамьи, сразу перескочили из детства в зрелость, не ждали ее, не звали — она сама к ним пришла. И Раф, и Олег, и Димка уже года на два, на три постарше Старкова. Но на сколько лет он обогнал их? Как считать — год войны за три? За пять? Кто из них смог бы стать комиссаром пусть маленького, в тридцать человек, но все же самостоятельного воинского подразделения? Может быть, только Олег...

Раф и не подозревал в Олеге таких способностей. Честное слово, перед комиссаром стоял не студент физфака, а именно партизан, солдат, усталый от долгого бессонного похода в тылу врага, ожесточенный гибелью товарищей, обозленный недоверием партизан. И Рафу вдруг показалось, что Олег не играет роль, а живет в ней: действительно устал он, ожесточен, обозлен. И все эти чувства не поддельны, не придуманы — выношены и пережиты. Хотя, вероятно, это только казалось Рафу. Просто хорошо развитое воображение, прекрасная память, которую принято называть эйдетической, да плюс желание выглядеть достоверно помогали Олегу в его игре. Все-таки в игре. А иначе получается мистика, фантазмагория какая-то, в которую рациональный реалист Раф никак поверить не мог.

— Документы у вас есть? — спросил Старков, размягченный доверенными воспоминаниями, мечтой, пока не осуществленной.

Олег зло усмехнулся.

— Может, тебе паспорт показать? У самого-то документы имеются?

— Имеются, — прищурился Старков. Он снова стал комиссаром, бдительным и строгим.

— А у нас нет. Зарыли мы их, когда из окружения топали.

— Говоришь, солдаты вы? Не из саперов ли?

— Пехота.

— А мне показалось — саперы. Землю копать любите. То оружие зароете, то документы.

— Знаешь, комиссар, — Олег даже рукой с досады махнул, и опять запрыгало в патроне пламя, тени на бревнах пошли в пляс, придавая всей сцене некий мистический колорит, так противный Рафу, — если не веришь, прикажи твоему Севке вывести нас под дождик и шлепнуть по очереди. Тем более что у него такое желание на лице написано.

Старков засмеялся. И Торопов растянул тонкие губы в улыбке. И Севка у стены хохотнул баском. Почему-то смешной сочли они досадливую обреченность Олега.

— Шлепнуть — дело нехитрое, — лениво сказал Старков. — Это успеется. Никуда вы отсюда не денетесь, да и Севка за вами присмотрит. Как, Севка?

— Можно, — подтвердил Севка.

— Вот и присмотри. А там поглядим, что вы за солдаты-партизаны такие... Есть хотите?

Раф вспомнил, что они так и не позавтракали, проглотил слюну и сделал это достаточно громко, потому что Старков опять засмеялся.

— Разносолов не обещаю, а каши дадим. Отведи-ка их, Севка, к Макарычу. И глаз не спускай.

— Будет сделано, — гаркнул Севка, приказал: — Давай пошевеливайся, гвардия, — впрочем, вполне миролюбиво приказал.

4

Каша была с дымом, с горьковатым запахом костра, закопченного котелка, обыкновенная солдатская «кирзуха», необычайно вкусная каша. Они сидели на поваленном березовом стволе, обжигались мисками, дули на ложки, уписывали кашу пополам с дождем.

— Хлебца у нас нема, извините, — сказал Макарыч.

Он сидел напротив на полешке-кругляше, выложил на колени тяжелые руки, склонил по-птичьи голову набок, смотрел жалостливо. Что ему были подозрения комиссара или мрачный взгляд бравого Севки! Он был поваром — по профессии или по партизанской необходимости — и видел перед собой только голодных парней, здоровых ребят, которым не каша нужна, а добрый кус мяса и горбуха с маслом и солью, а ничего такого предложить не мог и мучился оттого.

Городской житель, привередливый гурман Димка в жизни не едал такой странной каши, отвернулся бы от нее в обычное

время, брезгливо поморщился бы, а сейчас ничего, ел, похваливал, поскреб алюминиевой ложкой по миске, спросил вежливо: — Добавки не найдется?

— Как не найдется, — засуетился Макарыч, вскочил со своего полешка, отобрал миску, скрылся в землянке, вынес оттуда полную. — Кушайте на здоровьишко.

«Хорошо, что не завтракали, — подумал Димка, уплетая добавку, — хоть голодны по-настоящему...»

А что понарошку? Да все вокруг, считал Димка. И лес этот, и землянки — партизанские декорации, и толстый добряк Мака-

рыч, и даже герой-удалец Севка — все виделось элементами какой-то странной, но чертовски интересной игры. И бородач Старков — ждал Димка — сейчас выйдет из своей землянки, отклеит фальшивую бороду, улыбнется знакомо, скажет: «Как я вас разыграл? А вы поверили, остолопы».

Вот он и вправду вышел, не застегнув гимнастерку, лишь набросив на плечи короткую шинель, придерживая ее полы руками. Подошел к студентам. Олег встал, вслед за ним поднялись Раф с Димкой, стояли навтыжку, держали миски у пояса, как кивера гусары.

— Садитесь, — кивнул Старков. — Кто из вас в радио разбирается?

Это тоже было из области игры: вопрос Старкова, который мог с закрытыми глазами починить любой радиоприемник или магнитофон, даже в заводскую схему не заглядывал.

— Все, наверно, — пожал плечами Димка.

— Пойдем со мной. — Он повернулся и пошел к себе, не обращившись, уверенный, что приказ будет выполнен.

Димка быстро отдал Макарычу миску с недоеденной кашей, побежал за комиссаром, оглянулся на бегу. Олег смотрел ему вслед, сузил глаза щелками, сжал губы, будто напоминал: не подведи, Дмитрий, не сорвись. Жалел он сейчас, ох как жалел, что не может пойти вместе с Димкой, проконтролировать его действия, а еще лучше — заменить его. Нет, это выглядело бы слишком намеренным, и он остался сидеть на березке, неторопливо зачерпывал кашу, смаковал вроде, на комиссарскую землянку больше и не взглянул.

«Вот и отлично. — с каким-то злорадством подумал Димка. — Тоже командир нашелся. Все сам и сам. А мы — мальчики на подхвате. Фигушки вам...»

На столе рядом с коптилкой стояла маленькая походная радиостанция с гибкой коленчатой антенной, ротная рация, очень похожая на те, что Димка изучал в институтском кабинете радиодела. Только те были поновее, здорово модифицированные, но принцип-то в общем не изменился за три десятилетия. А в конструкции хорошему физики грешно не разобраться.

— Что стряслось? — спросил хороший физик Димка.

— Трещит, — как-то виновато сказал Старков, и опять Димка поймал себя на мысли, что притворяется он умело, правдиво, даже талантливо, но притворяется он, Старков, для которого такую рацию починить ничего не стоит, раз плюнуть. Но нет, не притворялся комиссар, пока не умел он чинить рации. Все это придет потом, позже, а сейчас Димка знал в тысячу раз больше его.

— Ножичек дайте, — сказал он и тут же мысленно похвалил себя, что не отвертку попросил — ножичек. Действительно, откуда в лесу отвертке взяться? Да и забыл Димка, прочно забыл о ее существовании за полтора года войны, службы в пехоте, боев в партизанском отряде, где именно нож был для него главным и порой единственным техническим инструментом.

Он взял протянутый Старковым складной нож, быстро отвернул заднюю крышку. Так и есть: примитив, ламповая схема на уровне средневековья. А пыли-то, пыли!

— Без пылесоса не обойтись, — машинально произнес он и

ужаснулся, сообразив: Старков еще не мог знать, что такое пылесос. Или знал? Разве упомнишь, когда у нас появились всякие там «Ракеты» и «Вихри»... Поднял веки, внезапно отяжелевшие, глянул на комиссара: тот улыбался.

— Хорошая, должно быть, штука. Пы-ле-сос, — смакуя слово, по слогам произнес он. — Кончится война, наладим производство, будет тогда чем радиоприемники чистить.

Эта нехитрая шутка почему-то развеселила Димку, он засмеялся, уткнув нос в несвежие внутренности рации, подумал, что далеко еще, ох далеко юному комиссару Старкову до мудрого и остроумного профессора Старкова. Это поначалу он показался им взрослым и опытным. А на деле — мальчишка, который и видеть-то ничего не видел, и кругозор неширок, и знания небогаты. Все это придет, но потом, позже, и удивит он ученый мир своей теорией обратного времени, а пока до физического факультета почти три года войны.

Димка копался в рации, изредка поглядывал на Старкова.

Тот сидел на углу топчана, что-то писал в потрепанную тетрадь огрызком карандаша. Димка знал, что он пишет. Шеф как-то говорил им, что в годы войны самым близким собеседником для него был дневник. Начал он его вести как раз в отряде, таскал в вещмешке «сквозь боевые бури», как он сам выражался, прикрывая смущение высокопарной фразой. А чего смущаться? Был бы Димка поусидчивее, тоже вел бы дневник. Хотя о чем ему писать? Как сессию сдавал? Как в Карелию в турпоход ездил? Как жег спину на сочинском пляже? Скучота, обыденность! А по старковским запискам какой-нибудь историк вполне мог бы диссертацию сочинить. Олег вон предлагал шефу отнести дневники в журнал — в «Смену» или в «Юность». С руками оторвут. А шеф смеялся: рано, дескать, мемуары публиковать, еще пожить не успел, главного не сделал.

Димка не вытерпел, поднял голову:

— Дневник ведете?

— Вроде того, — Старков отложил блокнот, посмотрел удивленно. — Как ты догадался?

Догадался... Сказать бы ему, что не догадался вовсе, а знал точно. Как он на то среагирует? Нет. Димка, держи язык за зубами, бери пример с Олега, с великого конспиратора, не трепись попусту — не в университете сидишь. Это все-таки Старков, самый что ни на есть настоящий, и не делай скидок на его молодость, на неопытность в общении с изворотливыми студиями семидесятых годов. Характер-то у него старковский. Честно говоря, не сахар характерец, пальца в рот не клади.

— Глаз у вас был какой-то нездешний, — сказал Димка. — С таким глазом ни приказы, ни листовки не сочиняют. Вот письма если? Письма еще такого глаза требуют...

Сказал он так в шутку, а Старков помрачнел, насупил.

— Некуда мне письма писать. Мать перед войной умерла, а отца я не помню.

И это знал Димка, рассказывал им Старков о своем детстве, о матери, не дожившей до июня сорок первого всего двух месяцев, об отце, убитом кулаками в суровые годы коллективизации. Знал, да не вспомнил, ляпнул бестактно. Правильно Раф говорит, что язык у Димки на полкорпуса любую мысль опережает.

— Извини, друг, — пробормотал Димка, даже не заметил, что обратился к Старкову на «ты». Как-то само собой вырвалось, но и выглядело это естественно, потому что война всегда нивелирует возраст. Да и чего здесь было нивелировать, если разница в годах между ними года три всего, никакая это не разница, даже война тут ни при чем.

— Чего там... — протянул Старков и вдруг спросил: — Ты своих товарищей давно знаешь?

— Давно, — сказал Димка. — Учились вместе.

— И этого здорового? Как его?..

— Олег. С ним тоже с первого курса.

— А потом?

Правда кончилась. Начиналось зыбкое болото легенды.

— Что потом? Военкомат. Фронт. Окружение. Отряд, — он повторял придуманные Олегом этапы их биографии, повторял с неохотой не потому, что боялся выдать себя незнанием, неточностью какой-нибудь, а потому что не хотелось ему врать Старкову. Честно говоря, идея эксперимента была Димке не очень-то по душе. С какой радостью сейчас он рассказал бы комиссару об университете, о студенческих турнирах КВН, о Старкове бы рассказал — каким он станет через тридцать с лихом лет, о его теории, о председателе, который в одном «сегодня» увел отряд в неведомое Черноборье, а в другом — сидит в лесниковой избухе, мается, наверно, неизвестностью, клянет шефа почем зря: на кой черт отправил сосунков под фашистские пули.

А сосунки тоже маются от той же неизвестности, и, может быть, только супермен Олег ждет этих пуль, надеется, что удастся ему проявить себя в настоящем деле, в мужском занятии. А физика, видите ли, не настоящее дело. Там, видите ли, никакого риска не наблюдается. Так и шел бы в военное училище, куда-нибудь в десантники, рисковал бы себе на здоровье и Отечеству на пользу. Хотя он и в физике умудрился найти самую рискованную тропку, помог ему Старков со своим генератором...

Димка поймал себя на том, что не совмещает он в собственном представлении Старкова-партизана и Старкова-ученого. Не может он себе представить, что это есть один и тот же человек. И не хочет представить. Воображения не хватает, сказал бы Олег. Да не в воображении суть, мил человек Олеженька, воображения у Димки хоть отбавляй. А суть в том, что разные они люди — партизан и ученый. Фамилия у них одна, верно. И биографии сходятся. Даже отпечатки пальцев совпадут — линия в линию. Так что же, возраст мешает, пресловутые тридцать лет? Мешает возраст, спору нет. Но главное — и Димка был твердо в том уверен — характеры у них неодинаковые. Партизан Старков казался мягче, спокойнее, не виделась в нем нервная ожесточенность Старкова — физика, сильного человека, фанатика найденной им идеи.

Сейчас Димка ощущал некое превосходство над комиссаром, которое ни на миг не появлялось в отношениях с профессором. Профессор для Димки был богом, добрым и всемогущим богом из древнегреческой мифологии, где, как известно, боги прекрасно уживались с простыми смертными, делали подчас одно дело, но все же оставались богами — малопонятными и прекрасными,

Димка ничуть не стеснялся своего преклонения перед профессором, даже гордился этим чувством, выставлял его напоказ. А комиссар был ровней ему — никакой не бог. Димка удивлялся, за что партизаны выбрали комиссаром Старкова. Не Торопова, например, который и постарше был и опытнее, а именно Старкова — в его щенячьи девятнадцать лет.

Удивляться-то Димка удивлялся, но предполагать мог: за характер и выбрали. Как раз за тот самый старковский характер, которого не мог пока углядеть в комиссаре Димка. И сила, и фанатизм — в добром смысле слова, — и жесточенность, и воля, и решительность — все, вероятно, было у комиссара. Просто качества эти проявлялись в деле. В том деле, каким занимался Старков, какому был предан до конца.

Димка знал физика. А перед ним в полутемной землянке сидел партизан, боец, которого Димка впервые видел. И с делом его знаком не был. Но никакой мистики не существует, Димка, и партизан и ученый — один и тот же человек, пусть сей факт и не укладывается в твоём сознании. А ты бы смог представить комиссаром твоего Старкова? Димка усмехнулся: да он и так комиссар, чье слово — закон для студента. То-то и оно...

Но неразумные чувства противились строгой и точной логике. Димка аккуратно зачищал ножом контакты у лампы, поглядывал на Старкова, видел все того же парня, ровесника, которого и борода не спасала, и завидовал ему смертельно. «Ты ужасно легкомысленный», — говорила Димке мама. «Трепло ты великое», — осуждал его Раф, беззлобно, впрочем, осуждал, не без симпатии. А сам Старков подводил итог: «Быть бы тебе великим ученым, если бы не твоя несобранность».

Все они были собранные, серьезные, деловые. А Димка — нет. И он завидовал сейчас мальчишке Старкову, потому что все-таки тот стал комиссаром, проявив все вышеперечисленные прекрасные качества, которые Димка в нем не признавал.

— Ну вот и все. — Димка привинтил крышку, повернул тумблер. Рация запищала, пошел грозовой фон. — Работает.

— Спасибо, — сказал Старков, протянул руку.

Пожатие было сильным, Димка поморщился, потер ладонь.

— Я пойду?

— Валяй. — Старков уже не смотрел на него, уселся перед рацией, прижал к уху эбонитовую чашку наушника, крутил ручку настройки.

Димка стал лишним. Ну что ж, он мальчик воспитанный, мешать не станет. Поднялся по земляным ступенькам, вдохнул холодный воздух, сощурился.

«Дождик-дождик, перестань, — закрутилась в голове детская считалочка, — мы поедem... Куда? Далеко не уедешь: вон Севка с автоматом сидит. А что, если остаться?..»

А что, если остаться здесь, со Старковым, пройти с ним до конца войны, до Победы, поступить на физфак в МГУ, разработать вместе теорию обратного времени? Дурацкая мысль, — подумал Димка. — Как останешься, когда в Москве — привычные жизнь, мама, девчонки, диплом на носу. И главное, через полсуток Старков из будущего вырубит поле, и Старков из прошлого канет в прошлое. Без Димки. Вздор, вздор, будь реалистом, Дмитрий, не распускай слюни».

Он медленно пошел к землянке Макарыча. Сам Макарыч азартно резался в «дурака» с Олегом, с размаху шлепал на расстеленную прямо на земле плащ-палатку засаленные рваные картишки. Олег курил козью ножку — как свернуть сумел? — явно выигрывал, Севка с любопытством наблюдал за игрой. Рафа не было: видно, в землянку залез. Димка подошел, сел тихонечко на бревно. Он уже не ощущал того пьянящего азарта, с которым начал путешествие во времени. Неизвестно, почему пришла тоска — холодная и тусклая, как этот день.

— А где все? — спросил он у Севки.

— Кто?

— Ну, партизаны.

Севка смотрел на него с подозрением, недружелюбно.

— Где надо, там и располагаются, — мрачно сказал он.

— Дурак ты, Севка, — в сердцах ругнулся Димка. — С бдительностью перебарщиваешь. Кому я доносить пойду?

— Кто тебя знает? — хитренько улыбаясь, протянул Севка. — А за дурака можно и схлопотать.

— От тебя, что ли?

— А чем я плох? — Севка встал.

Димка тоже вскочил, но Олег, не глядя, поймал его за руку, потянул на место.

— Сядь, — приказал он, именно приказал, бросил карты на брезент. — И ты уймись, — это уже Севке. — Сейчас только драки не хватало. Своих бить будем?

— Знать бы, что своих, — буркнул Севка, однако сел, поставил автомат между ног, оперся подбородком о дуло.

— Придет время — убедишься.

Олег явно надеялся на то, что время это придет и что докажет он глупому Севке всю бессмысленность его подозрений. А впрочем, плевать ему было на Севку и на подозрения его плевать. Он просто ждал боя. Боя, ради которого он и пошел сюда.

И дождался.

Где-то совсем рядом послышался топот копыт. Макарыч поднял голову, прислушался. Севка снова встал, взял автомат наизготовку.

— Рытов, что ли? — спросил он.

— Кто же еще? — сердито сказал Макарыч. — Видать, стряслось что. Ишь гонит. Весь лес переполошил.

На поляну влетел всадник, осадил коня, спрыгнул на землю, побежал к землянке Старкова.

— Чего там. Рытов? — окликнул его Севка.

А Рытов только рукой махнул, нырнул в землянку. Брошенный им конь зафыркал, затряс головой, пошел к коновязи. Привязанные к слеге лошади заволновались, переступая с ноги на ногу, дергали поводья.

Из землянки выбежал Старков, Рытов за ним.

— Севка, — крикнул Старков, — подымай людей! Немцы!

Он спустился в соседнюю землянку, а из леса уже бежали люди — по двое, с разных сторон, с автоматами, с карабинами, кто-то даже с дробовиком.

«Вот и началось», — облегченно подумал Олег.

Да, он ждал боя, Димка не ошибся. Этим боем он и жил последний месяц, ездил в райцентр, сидел в музее, корпел над архивными папками, над запыленными папками с казенными титулами «Дело №...», хранившими пожелтевшие документы — письма, копии наградных листов, приказы, листовки, писанные от руки воспоминания, писанные корявым почерком, с ошибками и описками, писанные людьми, для кого автомат и граната были много привычнее авторучки или карандаша.

Что он хотел от этого — пока предполагаемого — боя? Славы? Но перед кем? Перед бойцами отряда, которые проживут с Олегом только полсуток, мимолетные двенадцать часов, забудут его напрочь, и славу его лихую и зыбкую забудут — те, кто выживет. Нет, не славы он искал, не гнался за ней, а если и мечтал о славе, то не о военной. Он был физиком, настоящим физиком вопреки сомнениям Димки, и слава талантливого ученого привлекала его значительно больше любой другой мирской славы. Если, впрочем, привлекала. Так мог подумать кто угодно — Димка, Старков, приятели по факультету, но не он. Сам он не слишком часто вспоминал о ней.

И не самоутверждения хотел он. Уж чего-чего, а всякими там комплексами Олег не страдал. Что умел, то умел, а умел немало. А коли не получалось что-то, знаний не хватало или опыта, то не мучился от бессилия, не страдал, не опускал рук, а раз за разом повторял это «что-то», пока не говорил себе: могу! И точка. А комплексы — для слюнтяев и лодырей. Как там у классика: талант — это терпение. Внесем поправку: и терпение тоже. Потому что, как считал Олег, талант суть сумма качеств, данных природой и скорректированных личностью. Итак, он был личностью, а личность не нуждается в самоутверждении.

И остается предположить единственное: бой, которого Олег ждал с великим нетерпением, был ему нужен... просто так. Как этап в биографии, какого могло и не быть — семидесятые годы на дворе! — но раз случился, то мимо пройти нельзя.

Риск — вот что любил Олег. Ту самую зыбкую грань, за которой неизвестность, а значит, опасность. Опасность провала, просчета, неудачи. Опасность для жизни, наконец. Но зато победа в обстоятельствах, неподвластных прогнозам, вдвойне, втройне сладка. А если ты ее рассчитал — свою победу, — запрограммировал, заранее выстроил, то цена ей невелика. Скучно. Книжный человек Раф цитировал как-то стих о «езде в неизвестное». Так себе стишок, рукоделие на подушку. Но запомнилась Олегу одна строка: «Не каждый приедет туда, в неизвестное». Верно, не каждый. А Олег приедет. Должен приехать. Ради этого стоит жить. Он и к Старкову пошел, потому что вся его теория обратного времени — езда в неизвестное. Старков — это сила, считал Олег. И если не молился на него, как восторженный Димка, то уважал его безоглядно. Как и должен уважать талантливый ученик талантливого учителя. Старков тоже любил риск. В конце концов, вся его жизнь была риском. Начиная с сорок первого военного года, когда он мальчишкой пришел в партизанский отряд. Тем самым бородатым мальчишкой, который сейчас собрал на поляне невеликий личный состав отряда. В отличие от Димки Олегу не делил Старкова пополам: на партизана и физика. Олег чуждался подсознательных эмоций, обуревавших приятеля, и относился к комиссару с той же ученической почтительностью, как и к профессору. Что ему было до молодости комиссара! Он твердо верил: зелень узнают не по возрасту, а по цвету. Он и на собственный возраст скидок не делал.

...Они втроем по-прежнему сидели на мокром бревне, смотрели на неровный разномастный строй бойцов на поляне, прислушивались к тому, что говорил Старков. Слышно было плохо: комиссар говорил тихо-тихо, и слова его гасли в монотонном шуршании дождя.

— ...обойдется... на рожон не лезть... предупредить... — даже не целые фразы, а отдельные слова доносились.

Олег сам складывал из них предложения. Получалось так: все обойдется, не стоит лезть на рожон, необходимо предупредить жителей деревни. Что ж, если Олег верно понял Старкова, тот не рвался первым вступать в бой, выбрал политику выжидания. Верное решение. Сил у отряда мало, главная задача — сохранить обоз и помочь деревне. Если гитлеровцы не собираются идти к ней, пройдут мимо, то и бог с ними. Другое дело, если это те самые каратели, которые существовали в действительном — не моделированном — сорок втором году. Олег спрашивал Старкова о точном дне сражения. Тот не помнил даты. Не мудрено: в те дни о календаре некогда было вспоминать. Но все события, все грустные перипетии сражения Олег со слов Старкова знал назубок. И все могло повториться, как тогда. Дополнительным фактором было присутствие здесь их самих — гостей из будущего. Тем самым дополнительным фактором, который подчеркивал всю запрограммированность событий, столь ненавистную Олегу. И хотя Старков строго-настрого приказал им ни во что не вмешиваться, Олег скептически отнесся к приказу. Что ж, по-вашему, сидеть сложа руки, с холодным любопытством наблюдать за тем, как убивают людей, не помочь им? Ну нет, фигурки!

Олег встал, нарочито лениво, медленно пошел к комиссару. Тот закончил инструктаж, и партизаны разошлись. Пятеро из них, забрав автоматы, ушли в лес, видимо на разведку. Остальные разбрелись по поляне, томясь ожиданием, собирались малыми группками, курили, с любопытством поглядывали на незнакомцев. Кто-то — заметил Олег — уже подошел к Рафу с Димкой, сел рядом, завел разговор.

— Что случилось, комиссар? — спросил Олег Старкова. — Может, поделишься всеведением?

— Отчего бы нет? — Старков будто впервые видел Олега, осматривал его с головы до ног, изучал, что-то прикидывал в уме. — Наша разведка обнаружила фашистов километров в четырех отсюда.

— Много ли?

— Девять человек в пешей цепи. Идут осторожно, высматривают. Похоже, дозор.

— А основные силы?

Старков пожал плечами.

— Не видно. Где-то позади. Гитлеровцы не рискуют ходить по лесу малым числом.

— Вас ищут?

— Сдается, что так и есть.

— Они знают о вашем местоположении?

— Точно — вряд ли. Ориентировочно — наверняка.

— Примешь бой, комиссар?

— Не хотелось бы... Сколько их там? А нас три десятка.

— Плюс три единицы.

— Себя считаешь?

— А ты не считаешь?

— С устным счетом не в ладах.

— Не прибедряйся, ксмиссар. Не до красивых слов, а скажу: рассчитывай на нас. Да и сами мы прохладиться не станем. Приставишь Севку, скрутим его — и в бой. Ты проверить нас хотел, комиссар? Так вот она, проверка, куда точнее.

Олег напирал, видел, что Старков готов отступить: три лишних человека ох как не помешают.

— Не дрейфь, комиссар. Ты нас всегда кокнуть успеешь, ежели не по-твоему будет.

— Вы без оружия, — отступал Старков, — а у нас лишнего нет.

— А бой на что? Добудем.

— Ладно, посмотрим, — вроде бы сдался Старков. — Будете при мне.

— Есть! — гаркнул Олег, даже Раф с Димкой услышали, глянули на него: что он там задумал?

— Ждите команды, — сказал Старков, пошел к землянке, куда уже скрылся Торопов.

Да только не сдался Старков, Олег же понимал прекрасно. Сыграл этакую неуверенность, мучительные колебания, а на самом деле все давно решил. Бессмысленно оставлять пришельцев под чьим-то присмотром, даже под самым строжайшим глазом.

Бой и вправду лучшая проверка. Если друг, его помощь пригодится. А враг — так в бою партизанская пуля достанет.

Олег уселся на бревно рядом с друзьями, сказал им:

— Уломал комиссара.

— Поверил? — спросил Раф.

— Поверить не поверил, а проверить решил.

— Бой всех проверит, — сказал партизан, сидевший напротив. Это он давеча прискакал на поляну с вестью о немцах.

Парень лет девятнадцати-двадцати, черный, цыганистый, даже с медной серьгой в ухе, буравил Олега взглядом, а глаза тоже черные, непрозрачные, колючие глаза. Улыбался в сто зубов.

— Дело говоришь, — поддакнул ему Олег. — Звать как?

— Василием нарекли. А по фамилии Рытов.

— Сам-то откуда?

— Степь мне матушка. Эх и приволье там!.. А туточки тесно, душно... — Он передернулся.

Что-то наигранное было в его поведении, искусственное. И голос с надрывом, с ноткой истерики, и банальщина насчет степи-матушки, и мимика третьесортного актера из провинции, и серьга в ухе. Олег сказал зло:

— Не задохнешься в лесу?

— Терплю, из сил выбиваюсь. А ты, громила, не шути шутики с Васенькой, обжечься можно.

— Ладно, поберегусь, — отмахнулся Олег, подумал: что-то все здесь на ссору набиваются. И рыжий Севка, и Васенька этот, лицедей липовый. Севка — тот хоть естественный, вся его задиристость от молодости да глупости, от избытка сил молодецких. А этот хитер, себе на уме. Старков ничего не говорил о нем. Может, забыл? Он всех и не назвал, не вспомнил. Мудрено ли: сколько времени утекло! Да и остались тогда с обозом под началом Старкова люди случайные. Не сам он их выбирал из двухсот с лишним бойцов отряда Петровича. А сродниться не успел: и пяти дней вместе не прожили. Так что на многих самим придется характеристики составлять и Старкову подсказывать. На Рытова, к примеру...

— Карабинчик бы сюда, — мечтательно протянул Димка, представил, видеть, старковский карабин, зажмурился.

— А что ж это вы безоружными по лесу шастаете? — съехидничал Рытов. — Аль посеяли где?

— Тебя не спросили, — огрызнулся Димка.

И снова Олег вмешался.

— Не только по лесу шли, в деревни заходили. С оружием опасно. Зарыли мы его.

Не хотел он ссор и скандалов, избегал их, сторонился — не к месту они, не ко времени. В другой раз не стал бы церемониться с поднатчиком, показал бы ему пару приемов самбо, а сейчас не стоило. И не потому, что любая грызня или — не дай бог! — драка осложнили бы их пребывание в отряде. Не это главное, хотя и это со счетов сбрасывать не годится. Олег понимал, что любое происшествие внутри отряда может лишить его сплоченности, организованности, взорвать и без того напряженную атмосферу. Тут искры малой достаточно. Да еще накануне боя! Нет, лучше смолчать, смириться, пусть Рытов задирается, еще зачтется ему.

— А оружие мы достанем, — успокоил Димку Олег. — У немцев автоматы неплохие, хотя и не сравнить их со шпакетными. Кучности нет, а убойная сила — не придиришься.

— Может, без стрельбы обойдемся? — спросил Раф.

Ах, как не хотелось ему стрелять, тяготила его предстоящая схватка, никогда не любил он ни драк, ни боев, даже фильмы про войну не смотрел.

— Будем надеяться, — сказал Олег.

И Рытов не вмешался, не вякнул чего-нибудь про трусость, потому что сам понимал опасность, чуял ее. Не для себя опасность — для отряда, для трех десятков не шибко вооруженных людей, для вовсе безоружных и беззащитных жителей деревни.

— Давно партизанишь? — миролюбиво спросил Олег.

Рытов сощурился, грязной ладонью потер грудь под расстегнутым воротом рубахи. Блеснула под пальцами цепочка.

— Третий месяц на исходе.

— А раньше?

— Бродяжил по тылам у фашистских гадов. Сыпал им солюшку на хвост.

— И много насыпал?

— Курочка по зернышку... Где дом подожгу, где черепушку камнем прошибу, где вещички «помою»...

— Цепочку тоже «помыл»?

Рытов помрачнел, запахнул ворот, зажал его в кулаке.

— Не суй нос куда не след. Материна цепочка.

— А мать где?

— Нету матери... — Он отвернулся. Видно было, как натянулась кожа на скулах, заплясали желваки. Проговорил глухо: — Убили ее. Год с того прошел. Она шла, никого не трогала, а они на машине мимо, полоснули очередью... Просто так, от нечего делать. Я ее у дороги и похоронил... — Он повернул к Олегу искаженное яростью лицо. — Знаешь, как я их ненавижу?

— Знаю, — сказал Олег.

Он смотрел на Рытова и думал, что ошибся, вероятно, в парне. Вся его опереточная «цыганистость» — только поза, не слишком убедительная игра во взрослого, много повидавшего человека, за которой — изломанная войной судьба мальчишки, кутенка, чижика, потерявшего мать, бездомного, вечно голодного, ожесточенного, злого.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать стукнуло...

Девятнадцатилетний комиссар, девятнадцатилетний боец. Война не смотрит в метрики, не отдает предпочтения мудрости и опыту, не разбирает, где отцы, а где дети. Она берет за шиворот вчерашнего школьника, швыряет в водоворот событий — плыви. И надо плыть, надо выплыть, не сдаться, преодолеть свою беспомощность, неумелость, слабость. И придет мудрость и опытность, потому что руководит таким мальчишкой всемогущее чувство ненависти, которую по справедливости назвали святой. Именно оно руководило мальчишкой Кошевым и мальчишкой Матросовым, мальчишкой Гастелло и совсем юным Ваней Солнцевым, чьи имена еще неизвестны их ровесникам, сражающимся на фронте, в подполье, в партизанских отрядах. Чувство ненависти и чувство любви. Любви к Родине, к матери, к дому своему. Ненависти к врагам, посягнувшим на эту любовь.

Девятнадцать лет... Честно говоря, Олег дал бы Рытову побольше года на три-четыре.

— Погибнуть не страшно? Ты же не жил еще...

Тот зыркнул глазом, будто ожег.

— Погибать не собираюсь. Еще поплясать охота, на гитаре струны поласкать. Да чтоб под конем степь простыней стлалась.

Опять театр. «Ромэн» или оперетта? Да пусть играет, нет в том худа. Как там в песне: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в семнадцать мальчишеских лет». В эти годы и вправду петь хочется, танцевать, любить. А он не допел, не долюбил — не успел, не научился. Успеет?

Где-то вдалеке раздалась короткая автоматная очередь, словно рванули полотно, пополам разорвали. Василий вскочил.

— Наши?

Смолк автомат, и снова пришла тишина — напряженная тишина ожидания. Из леса вышли двое партизан, высланных Старковым в дозор. Старков пошел им навстречу, перекинулся парой слов, обернулся:

— Отряд, в ружье!

Быстро и бесшумно выстроились в короткую колонну, потекли в мокрый лес. Димка, Раф и Олег пристроились в хвост. Случайно или нет — сзади них шли Торопов с Севкой, шли замыкающими.

6

— Что он хочет делать? — спросил Димка Олега.

— Кто? — не понял Олег.

— Наш милый шеф.

Привычное определение и здесь не стало натянутым: Старков оставался их шефом, только в новой — партизанской — ипостаси.

— Полагаю, уводит людей.

— Куда?

— Не куда, а откуда. От немцев уводит.

— А деревня, значит, побоку?

Олег пожал плечами.

— Не думаю. Непохоже это на Старкова.

— Ты бы спросил...

— Считаешь, что он мне скажет? — огрызнулся Олег, но все-таки вышел из строя, стал пробираться вперед, к Старкову.

— Эй, куда? — взволновался Севка.

— По ягоды, — бросил Олег, не оборачиваясь.

Севка рванулся за ним, но Раф поймал его за рукав.

— Да не суетись ты! К комиссару он...

Севка выдернул рукав, вернулся в строй, шел позади, что-то ворчал под нос — недоволен был самостоятельностью Олега.

Олег догнал Старкова, пристроился рядом.

— Может, поделишься планами, комиссар?

Старков шел, втянув голову в поднятый воротник шинели, смотрел на мокрые, обшарпанные носы своих сапог, помалкивал. Олег не повторил вопроса, ждал.

— Какие там планы... — Старков по-прежнему не поднимал лица. — Поживем — увидим,

Темнит комиссар, не хочет делиться с посторонним военной тайной. Да какой тайной? Через полчаса-час все тайны станут явью и для своих и для посторонних. Что задумал Старков? Олег мог предположить, что комиссар пошел на какой-то отвлекающий маневр, хотел отвести гитлеровцев от деревни, принять их удар на себя. А если не деревня цель карательного отряда? Если эта цель — сама партизанская база? Все это можно было бы решить точно, если знать численность атакующих. Для деревни хватило бы и взвода. Для базы необходима рота, если не больше.

— Увидеть-то мы увидим, — сказал Олег. — Боюсь, как бы поздно не было. Не надо играть в прятки, комиссар, не в школьном дворе войну организуем. Ум хорошо, а веча умнее.

Старков хмыкнул, оторвался от изучения собственных сапог.

— А я на отсутствие умов не жалуюсь. Вон у меня их сколько, — кивнул назад, где неторопливо тянулась колонна отряда.

— Со всеми посоветовался?

— С кем надо.

— Может, и я пригожусь?

— Попробуй.

— Фашистов много?

— Хватает. На каждого из нас по трое выйдет.

Олег присвистнул.

— Ого! Выходит, рота?

— Выходит. Три бронетранспортера.

— Автоматчики?

— Если бы только! Еще и пулеметов пять стволов.

— Сдается мне, что не в деревню они направляются.

— Вот-вот. Их наш отряд интересует.

— Видимо, весь отряд, а не твой взвод охранения.

— Верно.

— И они не знают, что отряда нет.

— Логично мыслишь, товарищ, — не без издевки сказал Старков. — А я добавлю к твоей логике: тот, кто навел на нас фашистов, не знал, что отряд ушел к Черному бору.

— Подозреваешь кого?

— Тебя вот подозреваю. Ты тоже не знал об этом.

Олег засмеялся. Искренне засмеялся, без натянутости. Его забавлял и этот разговор, и сердитая недоверчивость Старкова, хотя он и понимал его, прекрасно понимал, сам на его месте точно так же подозревал бы чужака.

— Ладно, комиссар, допустим, я шпион. Тогда на кой черт мне идти в лес, рисковать, нарываться на твою пулю, если за мной — рота со взводом пулеметчиков. А я вот он весь, да еще с двумя «провокаторами». Какой смысл в том, а, комиссар?

— Смысла особого нет, — осторожно сказал Старков.

— То-то и оно. Хочешь совет? Наплюй на свои подозрения. Оставь людей здесь: место вроде подходящее, густое место, не три десятка — три сотни укроешь. А мы с тобой да еще с учителем или с Рытовым прогуляемся до немцев. Поглядим, куда они намылились.

Старков оглянулся. Люди шли один за другим почти вплотную, без уставных интервалов, шли молча — слишком велико

было напряжение. «Два наихудших занятия: ждать и догонять», — вспомнил Олег. А тут не просто ждешь — ждешь опасность, может быть, смерть. Куда хуже!

Старков поднял руку. Колонна остановилась. Партизаны подтягивались к своему комиссару, вытирали мокрые лица рукавами телогреек, пальто, шинелей, просто ладонями, ждали.

— Передохнем малость, — сказал Старков. — Не курить, громко не разговаривать, оружие из рук не выпускать. Старший — Рытов. Мы с ним, — он указал на Олега, — пойдем на разведку.

Олег поймал Димкин взгляд, в котором удивление, нетерпение, обида. Кивнул легонько, едва заметно пожал плечами: мол, не я так решил, потерпите, ребята.

— Немцы километрах в трех отсюда, — негромко произнес Рытов, глядя куда-то вбок. Ему не хотелось оставаться старшим в группе, бездействовать, выжидать. Он не понимал, почему комиссар предпочел взять в разведку не его — аса, опытного бойца, а неизвестного сомнительного парня. Сомнительного во всем: и возник неведь откуда, и кто такой — неясно, и каков в бою — никто не знает.

Но Старков не собирался давать объяснения по этому поводу. Он просто сунул руки в карманы и пошел, не оборачиваясь, даже не усомнившись в том, что его приказ может быть нарушен. И Олег подхватился за ним, и Торопов закинул автомат за спину, следом пошел. И только успел сказать Рытов:

— Будь осторожным, комиссар...

Кого он наказывал сторожиться — немцев? Олега?..

До немцев они дошли довольно быстро. Три бронетранспортера, негромко урча, легко катили по грязной, податливой, но никак не развезженной лесной дороге. Сзади колея в колею полз крытый брезентом грузовик. Из-под брезента над бортами устрашающе торчали тупые дула пулеметов. Впереди процессии, то и дело оскользаясь на мокрой глине, шли трое чернундирных солдат — автоматы наизготовку.

Старков присел на корточки за кустами, осторожно раздвинул ветки, поморщился от холодных капель, осыпавшихся на лицо.

— Уверенно идут, — сквозь зубы проговорил он.

— Вроде в деревню... — Торопов присел рядом.

— Эта дорога ведет в деревню? — спросил Олег.

— Ага, — Старков, не отрываясь, смотрел на машины.

— А к базе так не попасть?

— Метров через восемьсот в лес уйдет тропка, — сказал Торопов. — По ней и к базе можно прийти. Только тропка та в кустах скрыта, ее знать надо. Да и не пройдут по ней машины, пешком придется.

— Спешатся. — Олег пригляделся: идущий впереди солдат все время заглядывал в планшет. — Карта у него там, что ли?

— Нет, не карта... — Торопов сощурил глаза. — Похоже, кроки. Видишь: он то в планшет глянет, то по сторонам. Сверяет ориентиры. Значит, какая-то сволочь им кроки сняла...

— Знать бы какая... — протянул со злостью Старков.

— Живы будем — узнаем. — Торопов легонько хлопнул ко-

миссара по плечу. — Двинулись. Только тихо. — Чуть пригнувшись, пошел вперед, бесшумно ступая в своих, казалось бы, грубых кирзовых бусах.

«Лесной житель, — подумал Олег, пробираясь за ним. — Пожилой сельский учитель географии, который лучше всего знал географию окрестностей своего села, каждую тропу здесь знал, каждый куст, сызмальства привык ступать по лесу так, чтобы не потревожить зверье, не спугнуть птицу неверным шагом, хрустом нечаянно сломанной ветки. Интересно: охотник ли он? Или носил до войны ружьишко по лесу так просто, на всякий случай, не снимал с плеча, жалел живность? Лет через двадцать он наверняка станет приверженцем модной с конца пятидесятых годов фотоохоты, накопит на дорогое фоторужье, украсит стены школьного класса самодельными наглядными пособиями на фотобумаге. Если останется жив... Как он точно скажет: живы будем — узнаем».

В рассказанном Старковым варианте прошлого Торопов погибал. Олег мало верил в то, что их вариант будет сильно отличаться от старковского. Но немногословный мягкий Торопов был ему симпатичен, и он упорно гнал от себя мысль, что прошлое повторится и учитель все же погибнет. Впрочем, Олег надеялся, что сумеет сам присмотреть за ним, отвести его от пули. Жаль только, что не спросили у шефа подробности гибели каждого...

— Стоп, — неожиданно прошептал учитель, замер, прислушиваясь.

И будто по его знаку, остановились на дороге машины. Солдат с планшетом убеждал спутников, тыча то в кроки, то в сторону леса.

— Там как раз тропа начало берет, — Торопов вытянул худую шею, смотрел во все глаза на дорогу.

Из бронетранспортеров по-прежнему никто не вылезал. Трое солдат долго о чем-то препирались, потом один из них почему-то на цыпочках двинулся к сосне, оставшиеся вскинули автоматы, готовясь прикрыть его огнем в случае чего.

— Эх, полоснуть бы по ним... — мечтательно сказал Олег, поймал злой взгляд Старкова, стусеивался. — Сам знаю, что нельзя, не вчера родился.

Посланный «на закланье» солдат раздвинул ветки орешника, заглянул в чашу, скрылся на минуту, потом выглянул на дорогу, гаркнул:

— Хир!

— Нашел, гад, — выругался учитель. — Точно им кроки составили.

Солдат выскочил из леса, неуклюже переваливаясь, побежал к переднему бронетранспортеру, взобрался на подножку, что-то рассказывал сидящему в кабине, взмахивал рукой. Потом соскочил на землю, предупредительно открыл дверь машины. Оттуда вылез офицер в длинном кожаном пальто с витым серебряным погоном, прыгнул на дорогу, покачнулся. Солдат подержал его.

— Гауптштурмфюрер, — сказал Старков.

— Невысоко они нас ценят, — усмехнулся Олег. — Могли бы кого поглавнее прислать.

Офицер прошел вдоль борта, заглянул внутрь, сказал что-то, потом махнул рукой, и из бронетранспортеров посыпались эссовцы, строились повзводно около машин. К гауптштурмфюреру подбежали четверо офицеров — видно, пониже чином. Олег не разбирался в эссовских знаках различия, а спросить у Старкова не решился. Выслушав командира, офицеры вернулись к своим взводам, а гауптштурмфюрер уселся на подножку машины, поглядывал на свою роту. Солдаты проходили мимо него, ныряли в лес, скрывались из виду. Последними прошли пулеметчики, вскинув на плечи тяжелые стволы с раскрынными ногами-подставками. Около машин осталось человек восемь — охрана. Гауптштурмфюрер лениво поднялся, похлопал по плечу здорового рыжего унтера — вроде бы на прощанье, — тоже пошел к тропе.

— Все ясно, — сказал Олег. — Не деревня им нужна, а база. Сейчас они рассыплются цепью, попытаются окружить отряд, залегут и пустят в ход пулеметы. Есть смысл вернуться к ребятам, обождать, пока фрицы уйдут ни с чем.

— Парень дело говорит, — подтвердил Торопов.

Старков покачал головой.

— Тот, кто им дал кроки, наверняка сообщил и о наших постах наблюдения. Сначала они попытаются снять посты, и снять без шума. А постов-то нет.

— Ну и что? — спросил Олег нетерпеливо.

— А то, что ни стрельбы, ни атак не будет. Вышлют разведку, обнаружат пустую базу, и все.

— Еще лучше: без шума уйдут.

— Если уйдут. Боюсь, что они со злости в деревню рванут. Тем более она им давно глаза мозолит.

— Гадание на кофейной гуще, — сказал Олег.

— Даже если так, — Торопов сердито посмотрел на него, — мы обязаны предусмотреть все варианты.

— Что же вы предлагаете?

Старков усмехнулся.

— Ты у нас главный советчик. Валяй, советуй. — Сам-то он наверняка уже принял решение.

— Веди отряд к деревне. Можно устроить засаду в хатах, — Олег размышлял вслух. — Хотя это неэффективно: мало нас, нельзя запирать себя в четырех стенах, ограничивать свободу маневра. Нет, лучше засесть на околицах, впустить фрицев в деревню и тогда ударить со всех сторон. За нами — эффект неожиданности.

— Соображаешь, голова. Вот и давай беги к ребятам. Пове-дешь отряд.

— Я? — Олег растерялся, не ожидая такого поворота.

— Ты, ты. А Петр Сергеевич тебе поможет, подстрахует.

— А ты как же?

— Останусь, погляжу малость. А у околицы встретимся. Я вас там подожду.

Олег перехватил удивленный, осуждающий взгляд учителя, брошенный на Старкова, рассердился, встал.

— Спасибо за доверие, комиссар.

— А я не тебе доверяю. Я твоей голове доверяю. И Петру Сергеевичу, без согласия которого ничего не предпринимаю.

Но даже эта не слишком ласковая фраза не испортила Олегу радостного настроения.

— Так точно! — гаркнул он, спохватился, огляделся: не услышали бы на дороге. Нет, все было тихо. Понизил голос: — Не опаздывай на свидание, комиссар. Пошли, Петр Сергеевич.

7

До отряда добрались быстро и без приключений. Прежде чем отдать приказ партизанам, Олег шепнул учителю:

— Скажите им, Петр Сергеевич. А то не поверят...

Тот кашлянул, прикрыл улыбку ладонью, кивнул согласно.

— Товарищи! На время своего отсутствия комиссар передал

командование новому члену нашего отряда... — Он помялся, и Олег пришел на помощь:

— Зовут меня Олег.

— Прошу любить и жаловать, — добавил Торопов.

Бойцы переглянулись, зашумели недовольно.

— Почему это ему? — выкрикнул Рытов.

— Товарищи, — повысил голос Торопов. — Приказы, как вам известно, не обсуждают. А я вас никогда не обманывал.

— А комиссар где? — спросил кто-то.

— Комиссар будет ждать у деревни, — Олег говорил подчеркнуто сухо, словно обиженный недоверием. — Приказ комиссара: идти в деревню, занимать круговую оборону, ждать фрицев.

— Куда они делись?

— К отрядной базе подались. А там пусто. Не исключено, что они не пойдут к деревне, вернуться назад. Но мы обязаны предусмотреть все варианты. — Олег поймал себя на том, что невольно повторил слова Торопова.

Если разобраться, ничего особенного Старков Олегу не поручил. Велика задача: провести тридцать человек по лесу в обход гитлеровцев! Они и сами — без командира — прекрасно справились бы с ней. Да и спокойнее было бы: ни возмущений, ни обид, ни ропота. Но своим хитрым распоряжением комиссар показал партизанам, что пришельцам можно верить. Во всяком случае, сам он верит им и подчиненных своих к тому же зовет.

Торопов спросил Олега:

— Что вы собираетесь делать с обозом?

Олег подумал немного, сказал решительно:

— Не тащить же его с собой? Оставим здесь.

— А лошади?

— Может, пригодятся?

— Вряд ли, — не согласился Торопов, — скорее поехой станут. Они у нас смирные, к стрельбе приученные. Надо распрячь их и привязать: пусть пасутся. Фашисты сюда не пойдут.

Лошадей распрягли, предварительно собрав телеги в одно место. Олег предложил закидать обоз ветками, но учитель опять возразил:

— Нет смысла. Пока каратели в лесу, воздушной разведки ждать не приходится. А от земной, пешей такая маскировка не спасет. Да и времени мало. Слышите: начали...

Вдалеке, со стороны партизанской базы, затрещали автоматные очереди. Одна, другая, потом еще, и... вдруг все затихло.

— Прав был Старков, — сказал Торопов, — не будет стрельбы. Надо поторопиться.

Быстрым шагом тронулись к деревне. Олега догнал Димка, спросил на ходу:

— Как это ты в генералы попал?

— Плох тот солдат... — привычно отшутился Олег, не договаривая, оборвал себя: — Сам толком не знаю. И понять не могу Старкова: то не верил, Севку к нам приставил, то — на тебе, командуй. Или решил, что не стоит бросаться лишними людьми накануне боя, или что-то на уме держит.

Говорил шепотом: сзади шли Торопов и вездесущий Севка то ли случайно, то ли нет, но пристроившийся как раз за новым временным командиром.

— Как Раф? Не скис?

— Нет вроде, — ответил Димка. — А что?

— Не оставляй его одного. А будет бой — тем более. Усек?

— Слушаюсь, — сказал Димка, поотстал, дождался Рафа, попрежнему бредущего в хвосте, пошел рядом.

— О чем разговор? — спросил Раф. Будто бы незаинтересованно спросил, лишь бы разговор поддержать. Но Димка отлично знал товарища, поэтому не стал томить его ловко скрываемое любопытство.

— О тебе. Большой начальник велел присматривать за тобой,

— Зачем?

— Чтобы ты не помешал его блестящей военной карьере каким-нибудь глупым поступком. — Не хотел, а невольно злорадно вышло, сам понял, сконфузился.

И Раф заметил это, усмехнулся.

— Завидуешь Олегу?

— С чего ты взял?

— Все твои чувства на лице видны. Тебе в покер играть нельзя: любой обдерет. А Олегу ты позавидовал. И сам того застыдился. Зря позавидовал. Что ты, Олега не знаешь? Его хлебом не корми — дай покомандовать. Призвание: руководитель.

— Чем плохое призвание?

— Разве я осуждаю? Да ни в коем случае! Главное, что получается у Олега такая роль. Ну и пусть руководит. А я с удовольствием подчинюсь. И тебе советую. У него в отличие от многих руководителей «по призванию» голова на плечах имеется. И неплохая, замечу.

— Кто спорит? — сказал Димка.

— Вот и ладушки... — Раф перевел разговор на другую тему: — Что он говорит: будет драка?

Ох уж этот Раф с его пацифистской терминологией.

— Не драка, а бой, — назидательно поправил Димка. — Он ничего не сказал. Но, по-моему, ждет он того боя с нетерпением.

— А вот тут он дурак, — сердито резюмировал Раф, замолчал, обогнал Димку, потопал впереди, и даже сутулая тощая спина его выражала возмущение приятелем-милитаристом.

Димка не согласился с Рафом. Он знал, что все милитаристские интересы Олега не идут дальше «военных» автоматов в игровом зале парка культуры и отдыха. Или, в крайнем случае, дальше институтского тира, где Олег, признанный мастер спорта, показывал класс стрельбы на студенческих соревнованиях. И боя он ждет не потому, что хочет пострелять, порезвиться с боевым оружием и живыми мишенями. Нет, Олег, кажется, всерьез задумал «поправить» старковское прошлое, благо существует оно все-таки в ином временном измерении и поправки эти никак не повлияют на то будущее, в котором им предстоит вернуться.

Олег не делился с друзьями своими планами, предпочитал

ставить их перед фактом. Что ж, его дело, хотя Димка иначе понимал дружбу. Так то он, а то Олег — разница! Тот же Раф часто ругал Димку: «Вечно ты все разбалтываешь заранее, что на уме, то и на языке». А болтовня любому делу вредит, даже самому простенькому, это Димка на собственном опыте постиг. Постиг, да ничему и не научился. Раф тоже известный молчальник. Но если Олег держит свои командирские замыслы при себе, потому что не любит, чтобы ему мешали — советами, суетой, запретами, наконец, — то Раф просто-напросто суеверен. Сглазить боится. Из двух молчаливых друзей Димка предпочитал реалиста Олега и не судил его за излишнюю скрытность. Тем более что многолетняя дружба позволяла угадывать почти все, что таила в себе эта скрытность.

До околицы деревни дошли через полчаса. Старков уже ждал отряд, беседуя с каким-то средних лет мужиком в фуражке и длиннополом брезентовом плаще, какой, по мнению Димки, носили дореволюционные господа агрономы, разъезжавшие по помещичьим полям на двухосных бричках. Представление это родилось из вечерних бдений у телевизора, где часто крутят старые фильмы, поставленные в пятидесятых годах по классическим романам. Фильмам этим еще предстояло родиться, а живой «агроном» совсем несолидно бросился к партизанам, начал по очереди обниматься с каждым, и Димку не пропустил, заключил его в сильные, пахнущие сыростью и резиной объятия.

— У тебя новенькие? — спросил «агроном» у Старкова.

— Похоже на то, — туманно ответил Старков, но «агроном» не стал переспрашивать, удовлетворился ответом, радостно пожал руку Олегу, поинтересовался:

— Офицер?

— Сержант, — ответил Олег.

— Орел! — продолжал радоваться «агроном», но Старков вмешался:

— Потом познакомишься, Стас, времени нет. Разобьемся на тройки и зайдем оборону вокруг центральной площади. Фашисты идут сюда. Как я и предполагал, они не удовлетворились брошенной базой. Без моего сигнала не стрелять. Сигнал — красная ракета. Полагаю, они не ждут здесь сопротивления, войдут в деревню. Встречать их выйдет Стас. Он староста, ему сие по чину положено. — Он обернулся к «агроному»: — Потяни переговоры, Стас. Пусть они успокоятся, решат, что в деревне никого, кроме мирных жителей, нет. И жди сигнала. Увидишь ракету — беги, залегай и коси гадов. Твоих здесь сколько?

— Пятеро. Двое ушли с Петровичем. А так — бабы да старики.

— Пусть носа не высовывают. Особенно дети.

— Не высунут. Научены.

— Оружия лишнего не найдешь?

— Есть пара автоматов. А что?

— Да новенькие мои пустые.

— Это мы с удовольствием, вооружим до зубов. Пошли со мной, парни. — Он было тронулся, но Старков остановил:

— Погоди. Возьмешь с собой в засаду его, — он кивнул на

Олега. — А вы двое, — это относилось к Димке с Рафом, — пойдете с Рытовым. Старший — Рытов.

...Димка получил у Стаса старенький «шмайсер» и две обоймы, а Раф — карабин и пару гранат-«лимонок» тоже немецкого производства. Рытов ждал их у поваленного плетня «агрономовского» дома.

— Вооружились? — неприязненно спросил Рытов. — Вояки на мою голову...

— Не набивались, — обозлился Димка. — Можешь катиться на все четыре, без тебя обойдемся.

— Вы обойдетесь, — хохотнул Рытов, сдвинул кепку на глаза, потер затылок, заросший длинными вьющимися волосами. — А я вот без вас никак... Комиссар не велел, а он лучше знает.

Комиссар знал лучше. Самостоятельности Олегу было отпущено ровно настолько, насколько эта самостоятельность не могла повредить отряду. От леса до околицы, не дальше. Сейчас за ним Стас присмотрит, человек надежный, партизанский ставленник на должности фашистского старосты. А Димка с Рафом — сошки помельче. Им и Рытова хватит. Хотя Рытов — не из последних в отряде. И старшим его комиссар оставил, когда сам с Олегом и Тороповым к лесной дороге отправился. Так что можно гордиться: какому человеку в подчинение приданы!

Димка усмехнулся про себя: будем гордиться. Будем подчиняться лучшим людям отряда, однако и о самостоятельности не забудем. Покажем этим лучшим людям, что мы умеем...

Рытов привел их к бревенчатому сараю на площади — прямо напротив дома старосты, распахнул дверь.

— Прошу!

В сарае было тепло. Куча прелого сена в углу, тележные колеса, какие-то следи, заржавленный плуг. Крохотные оконца почти не пропускали дневной свет, но устроены были словно нарочно, как бойницы: шесть узких прямоугольников вдоль стены на уровне человеческого роста. На чердак вела приставная лестница.

— Один внизу, двое наверх, — скомандовал Рытов, пошел к лестнице, поманил Димку: — Со мной будешь.

Димка предпочел бы остаться с Рафом внизу, но приказы не обсуждают. Полез по скользким перекладинам за Рытовым. На чердаке тоже лежало сено и тоже тянулись по стене окошки. Крыша протекала.

— Хозяина нет, — подосадовал Рытов, отгреб сено от дыры в кровле, уселся. — Будем ждать, парень. Как звать-то?

— Дмитрием.

— Откуда родом?

— Из Москвы.

— А я из Молдавии. Шоферил там на бортовой после школы. — Сейчас он не кривлялся, не изображал из себя опереточного цыгана, говорил спокойно, весомо и оттого казался старше своих девятнадцати лет.

— Что не в армии?

— Не успел. Да и не рвался: по мне, в партизанах лучше.

Станный критерий для военного времени: лучше, хуже...

— Ищешь, где лучше?

— Как и все. Только ты меня на слове не лови. Я не легче долю ищу, а лучше.

— Какая разница.

— Большая. Здесь не легче, чем в армии, но здесь я хозяин. В лесу хозяин, в деревне, на большой дороге. Полоснул из-за кустов неожиданно-негаданно, гранатами забросал — и бери гадов тепленькими. А в армии ты винтик.

— Хозяин большой дороги?

— А что? Хорошее прозвище.

Прозвище... Человек должен быть там, где он принесет больше пользы общему делу. Димка совсем не умалял значения партизанского движения в Великой Отечественной войне, но не оно решило ее исход. Димка читал, знал по рассказам знакомых отца, как осаждали военкоматы его ровесники. А этот «не рвался»... Впрочем, может, он рожден быть партизаном, бесстрашным и осторожным, может, он нужнее именно здесь — кто знает. Не стоит заранее осуждать человека, если тебе его слова не понравились. Не торопись с выводами, Димка, не поддавайся первому впечатлению.

Свесился в люк, оглядел полутемный сарай:

— Как ты там?

— Хорошо, — откликнулся откуда-то из темноты Раф.

— Ну ты не очень-то расслабляйся, — подал голос Рытов и вдруг схватил Димку за руку. — Смотри, смотри.

Далеко впереди, у околицы, перед лесом показались зеленые коробки бронетранспортеров. Площадь перед сараем по-прежнему была пустынна. Да и площадью ее можно назвать лишь с помощью великой фантазии. Просто большой квадрат, окруженный редкими избами. Лужи, грязь. Чей-то недорезанный петух ковыляет вдоль забора. Неширокая улочка ведет к околице. Канавы-водостоки вдоль улицы, почерневший от воды низкий сруб колодца покоится у ворот. Бронетранспортеры медленно катились по улице, оглушительно ревели в дождливой тишине деревни. Никто не выбегал им навстречу, даже собаки не лаяли из-под заборов. А может, и не было их, собак...

Рытов прижался телом к стене, выглядывал из-за косяка. Димка сжимал внезапно вспотевшими руками холодный автомат, тщетно пытался унять дрожь, молил, чтобы Рытов не заметил. Рытов не обращал на него внимания, всматривался в дождь.

— Сейчас будет... — прошептал он.

Бронетранспортеры и грузовик въехали на площадь, остановились. Водители глушили моторы. Из своей избы вышел «агроном» Стас, побежал к машинам, распахнув руки, будто готовился обнять дорогих гостей, как давеча на околице. Из кабины бронетранспортера выпрыгнул офицер в кожаном пальто, пошел навстречу Стасу. Остановился, заложив руки за спину. Стас вытянулся перед ним, что-то рапортовал. Димка не слышал слов, но слишком угодливая поза старосты вызывала отвращение. Хорошо: он должен быть актером. Хорошо: он обязан выслуживаться перед фашистами, чтобы ни подозрения не возникло — все лояльны, все преданы новой власти. Но есть

же чувство собственного достоинства, наконец! Зачем вытягиваться в струнку перед сволочью?..

Офицер неторопливо поднял руку, наотмашь ударил Стаса по щеке. Сильно ударил, потому что голова старосты дернулась, он даже покачнулся, но продолжал стоять так же, по стойке «смирно». Офицер обернулся к машинам, крикнул что-то. Из кузовов выпрыгивали солдаты, строились у бортов повзводно. Офицер указал Стасу на дом, повелительно махнул рукой. Стас ссутулившись пошел к дому, поминутно оглядывался. Офицер смотрел ему вслед, ждал.

И в это время в воздух взлетела красная ракета.

8

Ударили автоматы со всех сторон. Надломилась черная цепь гитлеровцев, распалась. Офицер зайцем подскочил, метнулся к машине, спрятался за колеса. Его солдаты торопливо лезли обратно в кузова бронетранспортеров, отталкивали друг друга, падали, скошенные точными очередями партизанских автоматов. Стас успел добежать до своего забора, перемахнул через него, упал в траву. Димка видел, как он, пригнувшись, пробежал по двору, бросился за поленицу дров. И сразу оттуда вспыхнули язычки пламени: открыл огонь. На площади около машин остались лежать тела убитых эсэсовцев — десять или двенадцать трупов, Димка не считал. Только сейчас он сообразил, что по-прежнему сжимает холодный автомат, так и не выстрелив из него ни разу.

«Трус», — обругал он себя, взглянул на Рытова. Рытов смотрел в окошко, тихо смеялся.

— Ты что? — спросил Димка, ошалело вытаращив глаза.

— Идиоты, — выдавил сквозь смех Рытов. — Кто же так воюет? Они больно в себе уверены, вот о бдительности и не вспоминают. А мы их как курей...

— Не всех же...

— А можем, и всех. — Он вытащил из кармана «лимонку», выдернул чеку, высунулся в окно, размахнувшись, швырнул гранату. Она шлепнулась около первой машины, взлетел в воздух черно-серый сноп земли, воды, дыма, застыл на мгновение, начал медленно оседать. И тотчас же из кузова забил автомат. Прицельно бил. Пули шелкнули о бревна сарая где-то под Димкой. Он отшатнулся.

— Тикай вниз, — крикнул Рытов. — Сейчас они пулеметом шуганут.

Метнулся к люку, прыгнул. Димка за ним. Выскочили из сарая, пригибаясь к земле, рванули к забору. Рытов ударил ногой по планке штакетника, выломал ее, нырнул в дыру. Димка пропустил вперед Василия и Рафа, задержался на секунду. В кузове грузовика на площади полыхнул огонь.

— Ложись, дурило! — Рытов выглянул из дыры в заборе, дернул Димку за полу. Димка упал на землю, уткнулся лицом в траву. Вовремя. Пулеметная очередь была точно в крышу сарая. Вспыхнула, взлетела к небу дранка, поплыли по воздуху клочки сена. Снова громынуло. От грохота заложило уши.

Как сквозь вату пробился голос Рытова:

— Погибнуть хочешь?

Димка встал на четвереньки, полез в дыру. Рытов подхватил его под руку, силком потащил за дом. Димку шатало.

— Оглушило? — Лицо Рытова было где-то рядом, качалось у глаз, расплывалось.

— Сейчас, сейчас, — пробормотал Димка, помотал головой, приходил в себя. — Как это я?

— Не ожидал?

— Честно — не очень. Миномет, что ли?

— Граната. Идти можешь?

— Могу, — Димка встал, придерживаясь за стену.

— Давай за дом.

Из-за дома высовывался перепуганный Раф.

— Цел?

— Целехонек, — засмеялся Рытов. — Меняем дислокацию.

Они теперь оправились от первого испуга.

Бронетранспортеры разворачивались, натужно рыча, шли к горловине улицы, куда уже убрался грузовик с пулеметчиками. Теперь, когда их прикрывали с флангов слепые за закрытыми ставнями избы, фашисты почувствовали себя полегче. По вспышкам выстрелов можно было определить, что партизаны простреливали только деревенскую площадь. Вероятно, это был просчет Старкова. Можно было предположить, что эсэсовцы сумеют отступить в улицу, и встретить их там огнем из засады. Теперь исправлять ошибку поздно. Один из бронетранспортеров перевалил через канаву, врезался в забор, обрушил его, ткнулся носом в дверь дома.

— Там кто-нибудь живет? — спросил Димка.

— Не знаю, — ответил Рытов. — Тут много пустых изб.

Кто-то из кузова пустил очередь по закрытым ставням, по двери. Из дома никто не пытался выскочить.

Раф тронул Рытова за плечо.

— Обойдем их по краю. Подберемся с тыла.

— Верно, — Рытов одобрительно посмотрел на Рафа. — Я и сам хотел...

Он пошел вдоль стены, перебежал двор. Димка уже забыл, что оглушен и что голова все еще кружилась, побежал за ними, за Рафом с Василием, думал, что не такой уж Раф великий пацифист, умеет тактически мыслить, если надо. Вот понадобилось — и доказал.

Выстрелы стихли. Вероятно, не только рытовская группа меняла расположение. Деревня по-прежнему казалась начисто вымершей: жители выполняли распоряжение старосты, сидели в погребах. В конце улицы пулеметчики наспех устанавливали свои треноги.

Димка понимал, что положение партизан не самое лучшее. Фашистов больше, они быстро успели сориентироваться, отойти и занять довольно выгодную позицию. Эффект неожиданности партизаны использовать не сумели. Почему? Мало людей, мало боеприпасов... Может быть, стоило бы посмелее, решительней атаковать карателей, ошеломить их натиском, создать впечатление, что не тридцать — триста человек против них? Может быть, так... Димка усмехнулся: руководи в этом

бою партизанами Олег, он бы не раздумывая повел людей в атаку. И — не исключено — потерпел бы поражение. Все-таки взвод не рота, фашисты не слепцы и не дураки. Раскусили бы за милую душу. Так что не стоит осуждать Старкова за нерешительность.

Честно говоря, Димка считал, что выиграть бой будет трудно. Вероятно, надо бы отойти, дожидаться карателей на лесной дороге. Нет, нельзя. Тогда они точно сожгут деревню и расстреляют жителей. Да и рация у них наверняка есть. Вызовут подкрепление, зажмут в тиски отряд... Значит, если отходить, то отходить вместе со всеми жителями. Или драться до конца.

А как драться?

...Димка прижался спиной к глухой бревенчатой стене сарая, выглянул за угол. Насквозь промокший стог сена, поваленные прясла, заросли бурьяна у забора. В зарослях кто-то шевелился.

— Видишь? — Димка обернулся к Рытову.

— Кто-то из наших, — прошептал Рытов, сложил руки лодочкой, крикнул негромко.

Бурьян закачался, выглянула голова. Олег.

Димка даже засмеялся невольно, забыв об опасности: уж больно забавно выглядел взъерошенный и мокрый Олег.

— Ты чего? — удивился Рытов.

Димка не ответил, брякнулся на землю, пополз к бурьяну. Только слышал сзади трудное дыхание товарищей. Добрался до Олега, пристроился рядом, посмотрел на улицу. Эсэсовцев видно не было: попрятались, замаскировались. Только чернели бронетранспортеры в конце улицы, и — Димка помнил — скрывались за ними пулеметчики.

— Добросишь гранату? — спросил он у Олега.

— Доброшу. Только попозже.

— Почему?

— Пусть остальные подтянутся.

— Где они?

— Старков и еще пятеро здесь. Вон за поленницей. Остальные идут по той стороне улицы.

— Будем атаковать? — догадался Раф.

— У нас нет другого выхода.

Откуда-то с улицы послышалось криканье.

— Все на месте, — удовлетворенно сказал Олег. — А ну готовьтесь. Бросаю гранату — и в атаку. — И к Рытову: — Крикни-ка в ответ. А то я не умею.

Достал «лимонку» из кармана, подбросил ее на ладони, почему-то понюхал, улыбнулся:

— Ну, поехали...

Выпрямился во весь рост, сорвал предохранитель, размахнулся, как на институтском стадионе, швырнул гранату, подхватил с земли автомат:

— Впере-о-од!

Перемахнул через прясла, помчался по улице, стреляя на ходу.

Димка бежал следом, оглушенный неожиданно громким взрывом «лимонки», потом еще одним, и еще, и еще, кричал что-то и не слышал собственного голоса. Только видел впереди, в сизом

мареве взрывов, выскакивающие из-за машин фигурки гитлеровцев. Он нырнул в сорванную с петель калитку и нос к носу столкнулся с карателем. Отскочил, замер в растерянности. Рыжий эсэсовец ругнулся, поднял автомат. И вдруг нелепо взмахнул руками, как в замедленной съемке, повернулся вокруг оси на ватных ногах, упал. Димка обернулся. Раф сжимал карабин, растерянно смотрел на убитого им фашиста.

Димка не стал благодарить друга, даже не подумал тогда об этом, просто подхватил выпавший у немца автомат, протянул Рафу.

— Бросай свою дуру. И не стой, не стой. Вперед...

Внезапная опасность вдруг обострила чувства. Он стал слышать и крики и выстрелы, ощутил запах пороха и вкус гари на губах, увидел бегущих рядом партизан, полоснул огнем из «шмайсера» по черным фигурам у грузовика, метнулся к нему, выглянул из-за капота. Вскочил на подножку, вскинул автомат — пулеметчик повалился на бок.

— Готов! — выкрикнул Димка, рванул дверь кабины, плюхнулся на сиденье.

Ключ зажигания — вправо. Двигатель взревел. Димка выжал сцепление, включил передачу, вдавил газ. Он еще не знал, зачем это делает, просто захвачен был бешеным ритмом боя, не понимал даже его нюансов, действовал по наитию. А откуда оно у него — великое наитие, подсказывающее верный ход? Потом, потом разберемся, некогда сейчас! Двинул трехосную махину грузовика по улице, подмял убитого пулеметчика. Впереди вырос задранный в небо ствол пулемета. Около него трое. На них, на них, не сворачивать! Треснуло лобовое стекло, побежали по нему лучи-трещины — стреляют? Пригнул голову, больше газа! Машина прыгнула вперед, закачалась, кто-то кричал за окном.

Прямо перед радиатором выросла стена, в ней полуоткрытая дверь. Димка толкнул плечом дверцу кабины, прыгнул вниз, только успел подумать: автомат в кабине! — и покатился по земле, не чувствуя боли. Вжался в грязь лицом, накрыл ладонями затылок. Оглушило взрывом, жаром полыхнуло. Поднял голову: около дома горел грузовик, выскакивали из двери и из-за дома засевшие там гитлеровцы, бежали куда-то, падали. Поднялся на ноги — шатнуло. Ухватился за стену, задышал часто-часто, посмотрел вверх. Где-то высоко, под облаками — или показалось? — парил воздушный змей, детский коробчатый змей с планками крест-накрест, с длинным хвостом из мочалы. Кто его запустил?

В глазах потемнело, пополз вниз, хватаясь онемевшими пальцами за бревна стены, потерял сознание. И уже не слышал ни выстрелов, ни взрывов. Была тишина, сонный покой, далекое синее небо, в котором по-прежнему качался на ветру игрушечный неправдоподобный змей, склеенный маленьким Димкой давним летом в Малеевке, в пионерском лагере.

...Димка очнулся оттого, что его кто-то тряс. С трудом разодрал слипшиеся веки, смотрел сквозь ресницы. Над ним нависла огромная черная фигура, страшная фигура, тянула к нему длинные руки. Это было ужасно, и Димка снова закрыл

глаза. Однако трясти его не перестали, и, как сквозь вату, он услышал голос Олега:

— Да очнись ты наконец! Живой ведь, симулянт чертов...

«Пожалуй, надо встать», — тяжело ворочались мысли, голова прямо раскалывалась от боли.

Снова открыл глаза, сощурился, встал на четвереньки. Олег подхватил его под мышки, поднял рывком, прислонил к стене. Димка ошумело посмотрел на него, спросил хрипло:

— У тебя анальгин есть?

Олег отпустил его, сел на корточки, зашелся смехом. Димка понемногу приходил в себя, удивленно разглядывал истерично всхлипывающего Олега.

— Анальгин, — рыдал Олег. — фталазол, стрептомицин... Сумасшедший! Где ты находишься?

Димка ошалело огляделся. Метрах в двадцати догорал грузовик, ленивые язычки пламени плясали под крышкой капота, выглядывали из кабины. Стена дома обуглилась, но пожара не было: дождь помешал, насквозь промокшие бревна не поддались пламени. Рядом лежали трупы эсэсовцев — как в ки-

но «про войну». От дома к Димке шел черный от копоти Старков, волочил автомат на порванном ремне, улыбался.

Димка наконец сообразил, где находится, испуганно спросил: — Что случилось? Как наши?

Старков прислонил автомат к стене, сел на траву, потер пальцами глаза, только больше копоть размазал,

— Все. Конец.

— А фашисты?

— Нет больше фашистов.

Олег хлопнул Димку по плечу. Тот даже пошатнулся.

— Пожара они испугались, — смеялся Олег. — Когда ты избу протаранил, так бабахнуло, что даже я решил: не иначе артиллерия подоспела. Их в избе и за ней человек тридцать было. Ну, все наружу. А тут мы. Готовенькими их брали.

— А я как же? — Димка шарил руками по телу, искал рану, но тело не отзывалось болью, только гудела по-прежнему голова, и пара таблеток анальгина все-таки была бы кстати.

— Взрывом крышу сорвало. Доски прямо по небу летали. Одна тебя и приложила по темечку. Спасибо, кепка удар смягчила.

Димка ухватился за затылок, вскрикнул, посмотрел на руку.

— Кровь...

— Не беда, — устало улыбнулся Старков. — Ты же физик. Вот и пошел по пути Ньютона. У него яблоко, у тебя кое-что повесомее. Пора закон всемирного тяготения открывать.

— Все бы вам шутки шутить, — мрачно сказал Димка. Он не терпел крови, боялся даже палец порезать. Ну ладно пуля бы или штык. Благородно и моменту соответствует. А тут доска... Чем вас в бою ранило? Да, знаете, доской пришибло. Даже стыдно. Расскажешь — засмеют.

Олег понял мучения друга, обнял его.

— Ты у нас герой. Как додумался машину пустить?

Димка любил, когда его хвалили. Он таял и гордился собой. Он считал, что похвала — даже за ерунду — очень стимулирует любую деятельность.

— Да вот как-то додумался... — засмутился он, ногой шаркнул, вроде и голова поменьше болеть стала. Но не стал врать, честно признался: — Я не думал о последствиях. Просто вскочил в грузовик — и ходу. А стену я в последний момент заметил: я же не умею водить машину.

— Умел бы — объехал? — восхитился Олег наивной открытостью Димки.

Димка пожал плечами:

— Не знаю... наверно...

— Ну, ты даешь!..

Старков по-прежнему сидел, привалившись спиной к стене, закрыл глаза, как будто дремал. Услышав реплику Олега, открыл один глаз.

— Он не знал, что делать, а сделал все правильно. Ни одной ошибки. Его незнание помогло нам больше всех наших знаний. Как считаешь?

— О чем разговор? — Олег не был ревнив, и удача друга радовала его не меньше своей.

И великодушным он был, умел признать чье-то преимущество над собой. Что ж, в нынешнем бою Димка сделал больше Олега. Пусть неосознанно, но все же, рискуя жизнью, он выманил под пули партизан три десятка карателей, прочно засевших в надежных стенах избы. Подвиг? Несомненно, соглашался Олег, считая, что ему самому просто не повезло: не догадался вовремя, не увидел машины, увлекся боем. Но какая разница, кто сделал? Важно, что сделано. И сделано — будь здоров!

Димка окончательно пришел в себя, хотя и побаливала голова, саднила рана на затылке.

«Ох и попадет мне от шефа, — думал он. — Было велено: не лезть ни в какие переделки. Легко сказать! Интересно, дорогой шеф: сами вы сумели бы сидеть сложа руки? Не сумели бы, знаем вас. Так что придется смирить гнев...»

— А как наши? — спросил он, вдруг вспомнив о страшном исходе боя в старковском прошлом.

— Севку убили, — помрачнел Олег.

— Севку... — вспомнились веснушки, узкие, с рыжиной глаза. Только что рядом был, еще злились на него: больно бдительный, и вот конец. Ох, не игра это, не игра, ребяточки, настоящая война, которая догнала вас, достала. И не сможете вы уже быть прежними — веселыми и беспечными, неунывающими «орлами» с физфака. Не сможете. Хотя бы потому, что Севку убили...

— А остальные, остальные?

— Да вроде потерь не так уж много...

И опять вмешался Старков:

— Немного? Щедрый ты парень, Олег. Для нас любая потеря — беда. Понял: любая! И если бы только один Севка погиб, я бы считал, что мы потеряли слишком много...

Он рывком поднялся, подхватил автомат, пошел на улицу.

— Комиссар прав, — тихо сказал Димка. — Ты бестактен.

— Не спорю, — согласился Олег. — Ляпнул, не подумав. Только я помню, что у Старкова уцелело одиннадцать бойцов...

— У того Старкова, у нашего.

— Да, этот — другой. И прошлое другое.

— А вдруг наше? Вернемся, а там куча изменений. А винюваты в них мы.

— Не говори вздора, — обозлился Олег. — Ни в чем мы не виноваты. Ну, я подстрелил человек десять. Ты этих сволочей на бойкий свет вытащил. Но не мы погоду сделали. Пока ты у стеночки отдыхал после встречи с доской, Рытов с Севкой ворвались вдвоем в соседнюю избу, гранату — на пол и из двух стволов за три минуты двадцать человек напавал. Хороша арифметика? — Он засмеялся. — Потом Рытов спохватился: что-то слышать хуже стал. Хватить за ухо, а его нет.

— Как нет?

— Осколком срезало. Вместе с серьгой. Он и не заметил.

— Вся красоту испортило, — покачал головой Димка, спохватился: — А где Раф?

— Раненых перевязывает. Он у нас герой, не хуже тебя: Торопова спас...

— Как?

— Прикрыл его. Увидел, что в старика целятся, прыгнул на него и повалил. Сам сверху...

— А фашист?

— Какой?

— Который целился.

— А-а, этот... Убили его. Кто-то из наших, — безразлично сказал Олег. — Ну, пошли, — он взял Димку под руку. — Все уже на площади.

9

Олег ошибался: на площади никого не было. Партизаны собрались во дворе бывшего сельсовета, где теперь обосновался староста. Кто сидел на ступеньках крыльца, кто прогуливался вдоль стены, заглядывая в окна, где Раф, Торопов и староста Стас занимались ранеными.

Раненых было семеро. Прошлое физика Старкова разительно отличалось от прошлого, в которое он отправил своих учеников. Только пятеро убитых, среди которых бдительный Севка, рыжий Севка, веселый и лихой человек. Старков отправил партизан хоронить павших бойцов. На маленьком деревенском погосте они вырыли пять могил, завернули тела в старую мешковину, поставили таблички с фамилиями и двумя датами. Собрались у могил, дали прощальный залп. Всего один: патроны приходилось беречь, хотя и разжились у немцев боеприпасами. Да только понадобятся они еще, впереди дорога в Черногорье, длинная дорога, мало ли что может на ней случиться...

Необходимо было спешить. Раф, выросший в семье врачей-хирургов, умело перебинтовал раны, благо невелики они. У кого рука прострелена, у кого бедро. Рыгов красовался в повязке, закрывавшей почти всю голову, ходил, чертыхаясь, переживал сильно: несерьезное ранение. Его утешало только, что Димка пострадал еще глупее. Тут все-таки осколок, а у Димки доска.

Раф не считал всяких там царапин или легких сквозных пулевых ран. Тогда и Димку с его ссадиной пришлось бы зачислить в раненые. Нет, это пустяки, до свадьбы заживет и забудется. Рафа волновало состояние Макарыча, у которого было прострелено легкое. Для невеликих медицинских познаний Рафа это ранение казалось слишком серьезным. Макарыч все время терял сознание, дышал тяжело, со свистом. Термометра в деревне не нашлось, но даже на ощупь чувствовался жар.

— Успеть бы довести старика, — говорил Раф комиссару. — Сколько времени займет переход?

— С таким обозом — суток трое.

— Плохо дело. А быстрее никак нельзя? Или, может, где-нибудь поблизости врач есть?

— Врача нету, — вступил в разговор Стас, — а фельдшерница в соседней деревне проживает. Лучше бы к ней...

— Медикаменты у вашей фельдшерницы есть? — зло спросил Раф.

— Откуда? Травки должны быть.

— Травки... Тут антибиотики нужны, — сказал и поморщился, получив увесистый удар по ноге: Олег напоминал забыв-

шесю товарищу о том, что антибиотики появились лишь после войны, да и то не сразу.

Однако никто не заметил обмолвки Рафа, не прислушался. Мало ли какие мудреные названия в медицине имеются? Разве нормальный человек все упомнит?

— В отряде есть врачи и лекарства, — сказал Старков.

— Значит, надо везти в отряд. Будем рисковать.

— Зачем рисковать? — удивился Олег. Его удивило, что никто из присутствующих не видел явного выхода. — Это пешкодралом трое суток. А на машине?

— Ах, черт! — вспомнил Старков, хлопнул себя по лбу. — Действительно. Всю дорогу не осилим, а половину — наверняка. Кто поведет?

— Я, — сказал Олег.

Раф изумленно посмотрел на него.

— Как здоровье?

Часов они с собой не взяли: «Полеты» и «Секунды» не годились для военного времени. Но и без часов можно было догадаться: срок эксперимента на исходе.

— Который час? — спросил Олег.

Старков полез в карман, вытащил старенький плоский хронометр.

— Половина седьмого, — и добавил не к месту: — Есть хочется.

Олег реплику о еде пропустил мимо ушей, хотя и ему есть хотелось, урчало в животе, а вот поздний час его расстроил. Через полчаса Старков вырубит генератор, и придется топать в избушку, так и не закончив начатого. Олег считал, что это несправедливо. Он хотел довести Макарыча до Черногорья, увидеть настоящее партизанское соединение, с молодым председателем познакомиться — да мало ли что еще! А тут и попрощаться ни с кем нельзя — не поймут. С чего бы это им расставаться? Вся война впереди...

Кончилась война для студентов. Что ж, против уговора не пойдешь. Надо кое-какие советы оставить...

— Верно говоришь, — скрепя сердце начал врать Олег, — я бронетранспортер не поведу. Опыта нет. Шоферы в отряде есть?

— Есть, — сказал Старков. — Рытов шофером был.

— Он и поведет. Погрузим в машину всех раненых, пулеметы, оружие трофейное — и в путь. А мы пешочком.

— Стоит поторопиться, — вмешался Стас. — Через несколько часов сюда нагрянут фашисты.

— Сколько человек в деревне? — спросил комиссар.

— Двадцать три со мной. Пятеро мужиков, остальные — бабы с детьми да стариков трое.

— Все уйдут с нами.

— А как же деревня?

— Тебе что дороже: избы или люди?

— Глупый вопрос, — пожал плечами Стас. — Однако людям ведь в избах жить...

— Именно жить. Собирай людей, староста. Да поживей.

Вот и еще одно несоответствие с реальным прошлым Старкова: Стас уйдет с партизанами, и все жители деревни тоже

уйдут, и никого не обнаружат каратели, когда примчатся сюда, одержимые жадной отомстить непокорным «бунтовщикам». Но почему Раф упорно называл реальным именно прошлое своего шефа? А это прошлое? Что в нем нереального? Оно существовало и существует сейчас, оно торопит события, спешит сквозь осенние дни сорок второго года к годам семидесятым, когда другой Старков и другие студенты станут собирать свой чудесный генератор времени, чтобы махнуть назад — на тридцать с гаком лет, и махнуть опять-таки в чужое прошлое, в его третий вариант. Или в десятый. Или в сотый. В самый что ни на есть реальный вариант. В котором, может быть, Макарыча не ранят и не погибнет Севка. Или даже не будет этого боя...

...Раненых погрузили на бронетранспортер, который пригнал умелец Рытов. Набросали в кузов сухого сена, постелили брезент, посадили к раненым малых детишек.

— Может, с ними поедешь? — спросил Рафа Старков.

Раф бы поехал, будь его воля...

— Да я там только помехой буду, — сказал он бодро. — Пусть товарищ Торопов едет.

Старков не настаивал. Наказал Рытову не гнать, в случае чего сворачивать в лес, выжидать, на рожон не лезть.

— С богом, — сказал Старков.

— И без бога справимся, — хохотнул Рытов, тронул машину, высунулся из окна: — Догоняйте!

Осторожно повел бронетранспортер, объезжая ямы с водой, скрылся за околицей. Партизаны смотрели ему вслед, молчали.

— И нам пора, — вздохнул Старков, еще раз хлопнул крышкой часов. — Семь без минуты.

— Пора, — подтвердил Олег.

Он знал точность своего Старкова и надеялся только, что старый хронометр спешит вперед, подгоняет время хозяина.

И вправду спешил. Успели построиться, подхватить трофейное оружие, которое не погрузили в машину, вышли за деревню неторопливой колонной — женщины, дети, старики шли в середине. Олег с друзьями намеренно пристроился в хвосте. Вошли в лес, и Олег придержал друзей: вроде бы осмотреться — не ждуть ли опасности откуда-нибудь? Опасности не было. Пусто кругом. И дождь моросить перестал. Виднелись еще деревенские избы, курился дымок над местом недавнего боя, ветер уносил ранние облачка дыма.

И вдруг пропал дым. А возник совсем в другой стороне. И не робкий он был, а сильный, будто затопил кто-то печку в невидной от леса пустой избе.

— Кто это? — испуганно спросил Димка. — Кто-то остался?

Он обернулся к лесу, куда только что скрылась колонна партизан, прислушался, вдруг рванулся в кусты, обломил ветку, она с треском упала.

— Тише ты! — бросил вслед ему Олег.

И Раф все уже понял, усмехнулся невесело.

— Не от кого таиться.

Вернулся Димка, сказал, ни на кого не глядя:

— Все. Конец.

Это был конец эксперимента. Пунктуальный Старков отключил поле. Дым над пепелищем исчез, потому что не было пепелища. Печку топили во многих домах — холодная погода, промозглая, — и дым из труб рвался в небо, сливался в мощное серое облако, уходил за деревню.

— Интересно, дойдут они до Черногорья?

Димка задал вопрос без адреса, просто так спросил, чтобы не молчать. И Олег ответил тоже для того:

— Хотелось бы... Теперь и не проверишь: другое прошлое. В нашем вот дошли...

— Дойдут, — убежденно сказал Раф. — Должны дойти.

Он так считал и не верил в иной исход, не мог верить.

— И нам пора?

— Пора.

Пустой обмен словами. Говорить не хотелось, и надо было говорить. Слишком резко оборвалось действие — сразу и навсегда. Слишком многое осталось там, в прошлом. Именно в прошлом: как же иначе назвать? Теперь и у них, у двадцатилетних, тоже было прошлое — далекое и кровное.

— Ты помнишь, где спрятал дублер?

— Помню.

— Надо бы забрать...

— Потом. Успеем.

Машинально взглядывались в мягкую тропу — не осталось на ней следов. И другая была тропа, давно знакомая, потому что бежали по ней из лесниковой избушки в деревенский магазин за сахаром и за хлебом. И на танцы в клуб, бывало, заглядывали по той же тропке.

— Сколько мы отсутствовали?

— Как и договаривались: двенадцать часов.

— А кажется, дольше.

— Кажется...

Уже никогда не вернуть напряженных минут боя, ощущения уверенности в себе, кристальной ясности мыслей, которая возникает именно в момент опасности, в состоянии стресса, и ты поступаешь так, как должен поступить, и никак иначе, твое решение самое верное, единственное, и ты силен, и ты бесстрашен, и дело твое правое, и победа, конечно же, за тобой...

— Вроде бы дошли...

— Кто?

— Мы, мы дошли. Вон наш дворец...

Последние шаги к избушке. Выбить сапоги о стальную скобу у порога, снять мокрую грязь. Но тише, тише, чтобы не слышали ни шеф, ни председатель: не стоит портить театральный эффект неожиданного появления. Аккуратно приоткрыть дверь — только бы не скрипнула! На цыпочках в сени. Дверь в комнату рывком на себя.

— А вот и мы!

10

— Наконец-то, — сердито сказал Старков.

Генератор выключен, стрелка на нуле, рубильник торчал перпендикулярно щиту. Старков пил чай из фаянсовой кружки с

петухом, нарочито громко хрустел сахаром, на студентов никакого внимания.

— В самом деле, — председатель не сумел подыграть Старкову. Он был взволнован, обрадован: все удалось, и живые вернулись. — В самом деле, не могли раньше прийти?

— Хорошо, что я опыт ограничил двенадцатью часами, — проворчал Старков. — А то бы они там до конца войны сидели...

— Неплохая идея. — Олег повесил телогрейку на гвоздь, уселся за стол, придвинул чайник. — Ух, изголодались...

— Не кормили вас там, что ли?

— Некогда было.

Этим «некогда» Олег невинно намекал на информацию — немалую и важную, которую они готовы сообщить заждавшимся руководителям. Но Старков не принял намек, не захотел понять. Он все еще играл роль сердитого воспитателя, не прощающегослушников, выдерживал характер. Председатель — тот попроще. Ему прямо-таки не терпелось узнать подробности путешествия, он бросал умоляющие взгляды на Старкова, но тот игнорировал его, тянул чай, помалкивал.

Потом не выдержал, спросил Олега:

— Что ты на меня уставился? Давно не видел?

— Давненько, — протянул Олег. — Считайте, тридцать пять лет. Изменились вы здорово...

Старков подался вперед, чуть не опрокинув кружку. Все было мгновенно забыто: и показное равнодушие, нелепое желание убедить всех, да и себя тоже в том, что важен лишь удачно поставленный эксперимент, само путешествие во времени, а не его содержание. Мол, с таким же успехом можно было переместиться в год тридцать пятый, восемьсот девяностый — в какой угодно... В какой угодно? Ох, врешь, Старков, сам с собой душой кривышь! Ждал ты ребят из своего года, мучился, сгорал от нетерпения. Так не ломай комедию — не перед кем.

— Рассказывайте, — почему-то шепотом сказал Старков.

— То-то же... — Олег не собирался долго мучить шефа и председателя. Начал рассказ, к нему присоединились Раф с Димкой, перебивали друг друга, вспоминали подробности, вскакивали, размахивали руками, демонстрируя перипетии боя.

Поймали Димку: тот вырывался, прикрывал руками голову. Подтащили к Старкову, показали след борьбы с «летающей доской». Вопреки Димкиным страхам Старков не рассердился, только сказал огорченно:

— Вечно тебе не везет. Прошлый раз — пуля. Теперь — деревяшка.

— Почему не везет? — удивился логичный Раф. — Наоборот: все пули, равно как и все доски, мимо него. Жив, здоров и невредим мальчик Вася Бородин.

— Он герой, — заявил Олег. — Он всех спас.

— Я герой, — скромно согласился Димка.

Здесь, в натопленной избушке, в привычной обстановке, в своем времени, все пережитое казалось далеким и, пожалуй, игрушечным. Даже запекшаяся кровь на затылке вызывала скорее приятные воспоминания. Тем более что голова уже не

болела. Теперь и пошутить можно, покуражиться, посмеяться над Рафом, который сначала растерялся, увидев живого фашиста, а потом «совершил рекордный прыжок», прикрыв от пули старого учителя. Или вспомнить бдительного Севку, рыжего Севку и его пикировку с «подозрительными типами». Или то, как умелец Димка разобрался за пять минут в партизанской рации. Или вышутить Олега, ставшего командиром отряда всего на... полчаса, когда шли из леса к деревне.

Все-таки это было не их прошлое. Даже не потому, что лежало оно на какой-то иной ветке времени, не совпадало с прошлым Старкова и председателя, вернее, не во всем совпадало. А прежде всего потому, что их прошлое было детсадовским, школьным, прошлым веселых игр в «казаки-разбойники», прошлым серьезных фильмов «про войну», которые оставались только фильмами, пусть убедительной, но все же иллюзией реальной жизни. И не казалось ли им путешествие таким же фильмом, в котором они сами сыграли прекрасные роли? Вот так: сыграли, а не пережили...

Может быть, может быть... И трудно, думал Старков, их упрекнуть за то, что относятся они к прошедшему эксперименту, как к лихой игре, к опасной игре, к серьезной, к увлекательнейшей, но игре. Хотя действовали они — или играли? — надо признать, умно и по-взрослому. Здорово действовали — не упрекнешь ни в чем.

— А ведь я никак не мог поверить в ваше ветвящееся время, — задумчиво проговорил председатель. — Как это так: мышь вчера убили, а она сегодня жива-здоровехонька? Не укладывалось такое в моем крестьянском сознании.

— Теперь улеглось? — ехидно спросил Раф.

Председатель не заметил ехидства или не захотел заметить.

— Теперь улеглось. Не в моем прошлом вы побывали. Са-авсем в чужом. Вон у вас Макарыча только ранило, хотя и серьезно, а наш Макарыч еще до этого боя убит был. И Стас в вашем прошлом с отрядом ушел. Значит, жив остался, не казнили его... — Помолчал, подумал, сказал убежденно: — Хорошее у вас прошлое, что и говорить...

Так и сказал: «у вас». Он, так же как и студенты, не считал это своим прошлым, своим и старковским. Но раз и навсегда отдал его своим ребятам: вы воевали, вы все пережили, вам вспоминать. Он уже не смотрел на них как на сосунков неумелых, которые жизни не знают, пороха не нюхали. Они были равны ему, равны далекому Рытову, о котором председатель не слышал с конца войны, равны Старкову, кого партизаны избрали комиссаром отряда прикрытия, несмотря на его тоже несерьезный возраст. И у председателя и у студентов сейчас было прошлое, которым стоило гордиться. И он гордился им, как гордился самими ребятами, хорошими ребятами, смелыми и надежными — так он считал.
